

Время для мага

Лучшая
фантастика
2020

ЧИТАЙТЕ НОВУЮ
ОСТРОСЮЖЕТНУЮ
ПОВЕСТЬ СЕРГЕЯ
ЛУКЬЯНЕНКО!

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН,
ЛЕОНИД КАГАНОВ,
АЛЕКСАНДР ГРОМОВ
И ДРУГИЕ

Лучшая фантастика года (АСТ)

Александр Громов

**Время для мага. Лучшая
фантастика 2020**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Громов А. Н.

Время для мага. Лучшая фантастика 2020 / А. Н. Громов —
«Издательство АСТ», 2019 — (Лучшая фантастика года (АСТ))

ISBN 978-5-17-119814-5

Традиционный годовой сборник издательства АСТ включает самые свежие произведения признанных мастеров русскоязычной фантастики: Евгения Лукина, Леонида Каганова, Александра Громова, а также рассказы писателей-фантастов нового поколения – победителей мастер-классов, номинантов и обладателей литературных премий. Настоящим подарком читателям данного сборника станет абсолютно новая остросюжетная повесть Сергея Лукьяненко «ВРЕМЯ ДЛЯ МАГА»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119814-5

© Громов А. Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Юрий Некрасов	5
Василиса Павлова	16
Евгений Лукин	20
Людмила и Александр Белаш	22
Николай Горнов	35
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Время для мага. Лучшая фантастика – 2020

Сборник повестей и рассказов

Юрий Некрасов

В оковах Сталинграда

Хуже всего были руки.

Грубые, как черствый хлеб, они напоминали лавовое поле – Фридрих так сказал, мы ему верили, школьный учитель Фридрих знал все на свете. Лавовые поля – запекшаяся кровь земли, магматическая корка.

Наши руки, дубленные солидолом, порохом и сажей, по локоть убитые чужой russisch землей, с узкими глубокими порезами алой плоти. Кажется, русские называли это сіркі. Или как-то так. Кровавые расщелины.

Изнасилованная эта земля тоже была покрыта сотней сіркі – траншеи и окопы, воронки и выбоины.

Гордый прежде город еще летом стоял из последних сил, к октябрю рухнул, сломался и гнил теперь вокруг нас, мертвый исполин с нержавеющей имением советского fuhrer.

«Что же творится у меня во рту?» – подумал я, но мысль ушла, не успела закрутить разум, он разучился удерживать больше одной мысли за раз.

В траншею втащили раненого іван. Мы облепили его, жадные трупные мухи, трогали, суетились, пока Стефан не прикрикнул.

Уложили іван на спину, левой рукой он закрывал дыру в груди. Меж пальцев пузырилось. Мы переглянулись в ужасе.

– Мы тебя выходим, – унижаясь, врал Фридрих, он протянул іван пустые ладони, сложил лодочкой, склонился, поднял их ко лбу, – только напои нас.

– Вот, сюда, – по рукам пришла мятая кружка.

– Дайте воды!

В правую руку іван сунули флягу, помогли наклонить ее, чтобы потекло, зажурчало.

– Из твоих рук, – умолял Фридрих, задышался, – вот так, вот...

Мы смотрели, как он наклоняет кружку, вода булькала, переливаясь через край, текла прямо в открытый рот Фридриха. Священный миг.

На губах Фридриха закипела смола, он выбил кружку, покатился по земле, пытаясь руками, обшлагом, комями земли ободрать с лица пузырящуюся маску.

Мы молча встали над іван.

Тот уходил грязно, судороги выворачивали тело, как постиранное белье, но безотрывно смотрел на нас ледяными своими, беспощадными глазами.

Никто не осмелился закрыть их, когда он умер.

Тело бросили в подвал дома неподалеку, ближе подходить не стали, из раны в земле несло диким смрадом, боюсь представить, сколько таких іван вперемежку с нашими осталось в этой дыре.

Вернулись за Фридрихом, тот стоял на коленях и жрал глину. Мы взяли его под руки и понесли домой.

Дом.

Этот город станет могилой для всех нас.

Безымянной могилой глупости и отчаяния.

* * *

Вечерами приходил миг, когда воздух уставал от разрывов. Канонада шептала где-то по ту сторону неба, шепелявая и безопасная. Любой, отличный от нее звук становился песней. В такие моменты мы предпочитали молчать. Уши отдыхали, тишина становилась фланелевой и нежной, и мы ели ее большими ложками. В такие мгновения что-то ломалось в привычном скелете солдата, лопался корсет, и мы рассказывали друг другу то небольшое, что не могли больше держать в себе. Все самое дикое. Предсмертные откровения.

* * *

Мы сидели у костра, тесно прижавшись друг к другу. Гельмут штыком ковырял картофелины, проверяя, достаточно ли те испеклись. Стефан обкусывал ногти.

– Ты франт, Стефан, настоящий дамский угодник, – подтрунивал над ним Отто. – У тебя есть фрау? Ты из Берлина? – Он задавал этот вопрос сотни раз. Никто из нас не жил в Берлине. – Миленькая золотоволосая фрау, как из сказки? У меня таких было с десяток. Я рано начал. О, Стефан, ты не поверишь...

Эльзасский коротышка Отто не мог усидеть на месте, подскакивал, мерил шагами этаж, на котором мы прятались. Мы давно разведали это место, артобстрелом сняло верхние этажи, мы сидели в глубокой коробке без крыши, глухие стены с трех сторон, без окон и выбоин, в которые нас могли бы увидеть, длинный коридор на выход, засыпанный битым кирпичом, любой шаг отдавался эхом метров на двадцать. Мы не шумели, костер разводили за углом, грели руки, иногда ели, чаще просто пялились в огонь.

Возвращаться к своим было выше любых сил. Нужно было выбрать время, высыпать его под ноги, вернуться под утро, когда победоносное наше войско забудется истерическим сном алкоголика. Пили глухо, мешали одеколон и коньяк. О более жутких сочетаниях и говорить не хочется.

Руки мерзли, я прятал их в рукавах. Привалившись ко мне боком, сидел Гюнтер. Он разобрал мой автомат и рассматривал его, будто видел в первый раз. Станный малый этот Гюнтер. Даже на фоне нашей шестерки он выделялся. Ушел воевать, подделав документы, на самом деле ему шестнадцать.

– Я убил крысу кирпичом, – не хотел вспоминать этот разговор, но мысли, как дым, идут, куда дует ветер, – потом паршивую собаку зарубил. Лопатой. И подумал, надо валить.

Гюнтер сбежал из дома, испугался, что убьет мать и брата.

У него прилизанные редкие волосы цвета гнилой соломы. Сам Гюнтер похож на виноватого пса, что нашкодил и теперь боится порки. А еще Гюнтер трус, когда пришлось стрелять по строю бегущих на него *ivan*, он обоссался и притворился мертвым. Рядом шарахнуло из миномета, укрыло дурака землей, как одеялом, очухался по ту сторону фронта, еле выполз к своим. Теперь везде таскался за нами, чистил стволы, перевязывал раны. Жрал мало, вопросов не задавал. Пригрели. Привыкли.

Мысли, непослушные блохи, скакнули к Гельмуту. Этот – громила. Как его пули не нашли? Заговоренный он, что ли? Гельмут слыл добряком, любил соленые шутки, ржал, широко обнажая лошадиные свои зубы. Я видел, как Гельмут голыми руками оторвал голову *ivan*. Настоящий боец Рейха, бесстрашный и тупой, как рельса.

Фридрих сидел, с головой накрывшись шинелью. Фридрих плакал, я отсюда слышал его всхлипы, и они мне нравились. Мы еще можем плакать. Мы еще люди.

Я облизнулся. Перед глазами стояла вода, тонкий ручеек, он льется в пасть Фридриху. Вода, Господи, вода. Думал ли я...

Воздух прорезал тончайший свист. Я начал движение прежде, чем опознал угрозу.

– Вниз! – заорал Стефан и рухнул к стене. И как только услышал? Стукнуло среди кирпичей, покатилося в угол. Вторая. Третья!

Мы кинулись врассыпную, я споткнулся, упал на Гельмута, ужас придавал мне сил, я дернул его, без сомнений и жалости, укрылся под его тушей, и тут граната окатила нас овалцией. Мне рассекло щеку, и боль придавала осмысленность всему, все сделала значимым. Вернула миру краски.

Мир подпрыгнул, ударил под зад кованым сапогом, сунул мне в ребра, набил пасть кирпичной крошкой. В ушах бил церковный набат пульса.

Я дышал осколками стекла.

– Гельмут! – заорал я, пытаюсь выползти из-под него.

Автомат!

Мой автомат остался у Гюнтера!

Гельмут не шевелился, левая моя рука оказалась придавленной, я дергал правой, пихал своего спасителя, пытался подтянуть колени и ими оттолкнуть грузное тело. Моя ладонь погрузилась в пульсирующий ад кишок Гельмута. Его разворотило, как тушу на бойне. Кровь, живая, бьющая залпом, хватала меня за пальцы, требовала помощи, орала, звала.

Но я слышал лишь свое имя, его кричали друзья, просили встать в строй. Занять оборону.

Но потом все заслонил хруст кирпича. Он приближался медленно, неотвратно. Примерно двадцать метров хорошо простреливаемого коридора? Они шли, не скрываясь.

Автоматы в руках тех, кто выжил, устроили пляску святого Витта.

У нас тоже были гранаты. Две чертовы гранаты.

Иван умирали молча, иногда коротко вскрикивали, падали, точно статуи. И их было много. Намного больше, чем нас.

Я помнил, что считал. Я слышал, как кончились патроны. Кто-то лез на стены в пустой попытке выбраться наружу.

Мы попались.

Я вспомнил фразу, смешившую меня в детстве: «каменный мешок». Мы нашли свою смерть в таком.

* * *

Иван швырнули внутрь еще пару гранат. Одна упала перед самым моим носом. Крутилась, метя мне в лицо. Я зажмурился. Она не разорвалась.

Сухой треск автоматных выстрелов напомнил мне стрекот печатной машинки, мама, уложив меня спать, набирает текст. Утром его нужно будет отнести в контору. Если в тексте не будет опечаток, мама получит на пару рентных марок больше. Она купит молока и свежего хлеба, и к тому моменту, как я проснусь, на столе будет стоять кружка... с чистой водой. Мама, пожалуйста, вода!

Иван подошел к телу Гельмута и несколько раз выстрелил ему в голову.

* * *

Отто сидел к нам спиной и держал что-то на коленях.

– Вы можете в меня стрелять, я готов, – сказал он, не обернувшись на звук наших шагов.

– Все в порядке, Отто, – Стефан выступил вперед, неделя ада выковала из маменькиного сынка стального ефрейтора, – это мы. Здесь нет russisch.

– Загляни в котелок, – попросил Отто. Мы обошли его и увидели, что он держит в руках миску с водой. Стефан наклонился, мы встали поодаль. По лицу Отто бродили скверные

мысли. За последние полгода мы отлично научились их различать. Клаус ткнул меня в бок – гляди! – я разглядел пистолет, который Отто держал в опущенной руке. Дерьмо! Добром это не кончится.

– Там ничего нет, – обнял его за плечи Стефан, – тент, палатка.

– Это мальчик, – Отто говорил ровно, по горлу его перекашивался кадык, будто он силился проглотить какую-то непомерно огромную штуку, – внук того старика.

– Старика? – Гельмут тоже заметил пистолет и зашел с другого бока. Мы стояли, напряженные, готовые к рывку. Отто был один из нас, мы только что вместе выгребли из преисподней и не собирались отдавать ей одного из своих.

– Три шага назад, – бесцветно продолжил Отто, стряхнув руки Стефана и одним движением приставив пистолет к виску, – отошли.

Мы медленно подчинились.

– Мы вошли в город рано утром, цепью прочесывали дома на окраине. Все оттуда уже ушли, но нужно было проверить. Я шел по этажу, заходил в квартиры, открывал двери, дверь за дверью, дверь за дверью... – Рука Отто задрожала, пистолет расцарапал кожу, Стефан помотал головой – нет!

– Там никого не было, Отто. Мы были вместе.

– Нет был. – Отто на миг оторвал взгляд от воды в тарелке. – Нет был! Я пнул дверь, и там стоял мальчишка, прямо посреди комнаты, сжимал тюк со своим барахлом. Ему было не больше, чем моему племяннику Августу. Семь лет. Семь лет!

– Отто.

– Я хотел ему сказать, – вода в тарелке пошла кругами, кап-кап, – беги отсюда, я не трону, и тут распахнулась дверь.

Я закрыл глаза. Голос Отто звенел. Сейчас они кинутся и заберут у него пистолет.

– Я нечаянно! – разрыдался Отто. – У меня сорвался палец! Я не хотел!

Я услышал рывок, звук летящих, врезающихся друг в друга тел, распахнул глаза и увидел, как тарелка отлетает в сторону, Стефан уронил Отто на пол, а Гельмут, распластавшись, навалившись всем телом, рвет, выкручивает руку с пистолетом.

Даааааах! – что-то ударило меня в висок, как раз туда, куда метил себе Отто. Пуля расплавилась о кожу и потекла за шиворот. Я завизжал. Боль! Какая боль!

* * *

Я очнулся, когда пошел снег. Он облепил мне лицо, как посмертная маска, но я еще дышал, снег шипел, испаряясь, я открыл рот – боже, хотя бы пару капель! – но вода застывала на моих губах солью. Мой рот. Пустыня, по которой Моисей сорок лет водил свой народ.

Гельмут сковал меня окоченевшим своим телом. Я полз из-под него не менее часа, проклинал, но был жив. Жив!

В комнате, где нас расстреляли іvan, мы с Гельмутом остались одни. Остальные прорвались, попали в плен или были растерзаны в столь мелкие клочья, что я их не заметил.

Я подобрал автомат, проверил магазин. Пусто.

Вспомнил, Отто рассказывал нам историю про своего первого убитого. Мальчика он застрелил случайно, дед выбил автомат из рук, и Отто, этот тщедушный болтун, его задушил.

Мне придется душить іvan, если я их встречу.

Пуля пропахала мне левую щеку и уснула в мясе левой груди. Я пощупал ее сквозь кожу, пуля сидела глубоко. Боли было недостаточно, чтобы я обрадовался жизни. Хорошо, что не потерял сапоги.

Я вышел под чугунное небо осени и побрел в сторону своих.

Сталинград ломал мне ноги, я шел от стены к стене, от траншеи к подвалу, ежесекундно рискуя попасться на прицел іvan.

Внезапно обрушился вечер.

Сколько я пролежал в братской для нас с Гельмутом могиле? Сутки, больше?

Я услышал звук метронома и упал, скорчился, пополз под рухнувшую стену, я затолкал пальцы поглубже в уши, но и туда пробивался этот убийственный звук.

Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк.

«Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат».

ААААА! Только не сейчас!

Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк.

«Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат».

Где этот чертов громкоговоритель?! Я хотел вылезти из своей норы и раздолбать его, разорвать голыми руками, но инстинкт держал меня за хвост, глубокое крысиное чутье, рептилия – так рассказывал Фридрих, дружище Фридрих, жив ли ты? Что с твоим ртом? Смола, дрянное дело.

Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк.

«Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат».

Прекрати! Перестань! Я выйду я выйду я выйду. Сейчас выйду!

Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк.

«Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат».

Я принялся кусать камень, чувствуя, как крошатся мои зубы. К черту! Зачем мне зубы, если я не могу пить? Все равно мы едим камни, дайте мне больше камней!

Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк.

«Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат».

И наконец зазвучало танго. Легкое танго. Смертельное танго. Я проходил это десятки раз. И у меня был проверенный способ выжить – я просто начинал танцевать с Ангеликой, где ты, милая, протяни мне руку, и я закружу тебя в ритмах танго. Но я нащупал лишь мертвую руку Гельмута. Он стиснул мою, и я счастливо потерял сознание.

* * *

Мы сидели на холме, высоко над рекой, смотрели, как прибывает баржа с новобранцами. Она колола новорожденный лед тупым носом, двигалась неуклюже, неотвратимо.

– Они еще не знают, – затянулся пустым дымом Фридрих. Мы мешали табак с сухим укропом, этого добра у повара оказался целый ящик. Он безропотно отдал нам траву в обмен на новенькие сапоги Ганса. Тому прострелили легкое и отправили в тыл. Полгода назад мы еще увозили раненых в тыл.

Новобранцы спрыгивали на причал, как мешки с тряпьем, скорее, падали, поднимались с трудом, поддерживали друг друга, вязко текли в сторону набережной.

– Знают. – Я увидел человека, который не пошел к набережной. Он стоял и смотрел в воду. – Сейчас прыгнет. – Я даже вскочил на ноги.

– Стой, дурак! – Фридрих скомкал в ладони недокурную папиросу.

Человек прыгнул.

Дикая russisch река не приняла его, вздыбилась острием льда, на который он рухнул, ушибся, закричал, как чайка, лед окрасился алым, но человек встал. Он шатался, но сумел сделать шаг. За ним тянулась ледяная дорожка. Он шел, потом упал на колени и пополз, упрямый вол, дерзкое человеческое животное, он тянулся к краю, пытался зачерпнуть воду, но та не давалась, резала его твердыми бритвами, вот тебе вода, получи, на, возьми еще горсть!

Наконец он затих, река намыла вокруг него саркофаг из веток, пены и черного ила и поглотила.

Люди на причале молча провожали самоубийцу, но тут из воды им под ноги начала выбрасываться рыба, черная, облепленная нефтяной вонючей пленкой, она широко разевала рот, выблевывая фонтаны алой крови. Та мгновенно застывала на морозе.

– Wolga-Wolga, mutter Wolga, – пропел Фридрих и начал скручивать новую папиросу.

* * *

Меня разбудило желание пить.

Никогда не думал, что это будет так страшно. Убить за глоток воды.

Я выполз из норы и попал в царство Снежной королевы. Мертвый город погрузился в зимний сон.

Вода, что может быть проще? Вокруг меня лежали килограммы воды, я зачерпывал снег горстями, и он таял, оставаясь в ладони кварцевой крошкой.

Я поискал взглядом какую-нибудь посуду. Вокруг меня лежали руины.

Спустил штаны и поразился, какой чистый у меня член. Младенчик – по сравнению с руками!

Я помочился в ладонь, стараясь сдерживаться, не выпустить полную струю, облизывал потом пальцы – не потерять ни капли, и вспоминал, как Отто подрался с ефрейтором Альбертом. Тот разводил мочу шнапсом и продавал за десять рейхсмарок стакан. Шнапсом! Портил добрую мочу. Тогда мы еще считали бумажки.

* * *

Стефану разворотило половину лица.

Он встретил меня с этой жуткой, ничем не заклеенной, никак ни скрытой раной. По дикой прихоти природы кровь остановилась, кости срослись, и теперь у Стефана лицо напоминало полумесяц из детского спектакля.

– Я одним глазом вижу лучше, чем ты обоими и задницей в придачу, засранец. – Ефрейтор облапил меня так, что чуть не раздавил ребра.

Я выбирался из окружения неделю. За то время, что меня не было, фронт выдавил нас к самой реке.

– Кто? – Из меня только достали пулю, на длинные предложения я был не способен.

– Только мы с Отто. – Я не спрашивал, как им удалось спастись. Какая разница? Иван забрали моих друзей, но я жив.

– Отто?

– Он плох. – Стефан неопределенно помахал рукой. – Пусть спит.

– А я?

– А ты как раз вовремя, – посерьезнел Стефан, – мы идем в наступление.

– Не домой? – Не думал, что мои глаза способны слезиться.

– Не домой.

Мы устроили пир: жрали консервы, рубили банкам головы ножом Стефана, стоило нам коснуться жирной, сочащейся потом ветчины, как она засыхала, мумифицировалась, жадничая отдать хотя бы каплю воды, крошили деревянный хлеб, ломали гипсовые яблоки, обильно перчили пергаментные капустные листья и запивали это крепчайшим, будто сироп, шнапсом, пьянея до одури, до дикого, разрывающего вены пульса. Завтра нас ждал каменный стул. Крики над туалетными ямами. Сегодня мы славили жизнь, как умели.

* * *

Генерал танковых войск Фридрих Паулюс стоял на постаменте. Сброшенный с него памятник мертвому вождю тенью лежал позади, припорошенный снегом. Мы видели, что Паулюс перестал быть человеком. Не знаю, что он пил, но кожа его превратилась в стекло, под которым вверх и вниз сновали поезда из дерьма и крови.

– Фюрер отдал мне приказ удерживать город. Вы знаете, я хотел оставить это место и увести вас.

Люди молчали. Перед генералом, расползаясь по берегу, сколько хватало глаз, стояли тысячи человек. Толпа молчала, но слова Паулюса растекались по ней, как нефтяные пятна по воде. Люди не пили уже полгода. Вода отвергала их.

– К нам идет фельдмаршал Манштейн. Объявлена операция «Wintergewitter», которая прорвет блокаду и позволит нам утопить город в крови. Но мы не имеем права на слабость. Мы должны вырвать хребет у этого города. Унизить russisch. Растоптать их.

Паулюс бросал слова бесстрашно, не боясь отдать их ветру. Ivan знал, что мы готовились сделать.

– Каждая женщина, девушка, мать, каждый брат, отец и ребенок в Heimat ждут нашей победы с пересохшими ртами.

Волна этих слов полетела по толпе, опрокидывая людей, бросая их на колени, заставляя раздирать рты и глазницы. И единственным, кто встал против этих слов, кто протянул руку за разъяснением, повысил голос, был неведомо откуда вынырнувший Отто.

– Что? – нелепо воскликнул он, актер второсортного театра. – Почему их рты пересохли?

Я закрыл лицо ладонями, представив высохшую, обтянутую ломкой, пигментированной кожей мать. Она экономит на всем, откладывает рейхсмарки, чтобы мне было, что попить, когда я вернусь. Страна пьет свою мочу, пока мы умираем здесь?

– Вся наша страна испытывает жажду вместе с нами. – Паулюс нашел взглядом Отто и отвечал ему, как учитель неразвитому ребенку. – Мы не пьем, и они не могут пить тоже.

– Вы – Дьявол, – просто рассудил Отто и вскинул автомат.

– Отто! – Стефан не успевал, он пытался оттолкнуть глупца криком. Но тот уже нажал на спусковой крючок. Пули высекли из плеча Паулюса осколки, он упал на руки своих офицеров. Те приняли его, как Христа. Толпа смяла, скомкала Отто и отрыгнула его безвольное подобие, куклу, тряпичную пародию, вышвырнула ее прочь.

Толпу не ужаснули слова Паулюса.

Напротив, люди обнаружили в них силу. Они не одни! Они едины со своим народом!

Смять, уничтожить Ivan! Добить! Раздробить! Разорвать!

Будто бы в ответ ударил метроном, завел классическое:

Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк. Тк.

«Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат».

Но его заглушали вопли людей и рев танков, которые они заводили, чтобы дать решительный бой.

Они шли в наступлении, неостановимые, как цунами.

Вперед, вперед, только вперед!

Я видел, как танкисты пили антифриз и сгорали заживо в своих танках, но били Ivan, крушили их брустверы, пробивали стены.

Они шли в наступление, как на любимую работу, одержимые и счастливые.

Так шахтеры привычно спускаются в ад.

Я видел, как танку сбили гусеницу, он кружил на месте, танкисты лезли из него, как черви. Откуда их столько под броней? Иван окружили танк, бесстрашно, открыто. Они расстреливали людей, как паразитов, давили, как вшу.

* * *

Я проснулся весь в холодном поту, попытался собрать его ладонью, слизать, но тот застыл инеем, стянул кожу и растворился без остатка. Рядом сопели Отто и Стефан. Мне это приснилось? Не было никакого Паулюса? Мы не наступаем? Но что же тогда нам делать?

– Что нам делать? Что делать? – Я растолкал Стефана. Господи, какое чудо, все нормально у него с лицом. Бред, как могло прийти такое в голову.

Стефан сел, сжал лицо руками. Вчера мы пили шнапс, скорее, выковыривали из банки ложками, Отто пел песни, рассказывал о своих пятнадцати юных фрау и как именно они станут ублажать старого солдата, когда тот вернется с войны.

– Стефан, что?

– погоди, – отмахнулся он, – разбуди Отто.

Мы вышли в ноябрь, как рвота подкатывает к горлу. Мороз влез под одежду и крепко взял за мошонку. Отто переминался с ноги на ногу и все смотрел назад, мечтал об одеяле.

– Мы должны покаяться. – Несмотря на жуткий этот бред, я тотчас понял, что он прав, нет иного выхода, сломан мост, дорога одна – молить о прощении, но где? Как?

Отто вспомнил, что далеко на территории russisch видел разрушенный костел. Иван не особо его защищали, после бомбежек там торчала одна колокольня, на которой разместили снайпера и пулеметчика, мы еле унесли оттуда ноги, а теперь добраться до туда стоило огромного труда. Глубокий тыл.

– Мы можем молиться где угодно, – сопротивлялся Отто.

– Но только там нас услышат.

Двинулись ночью, шли длинным загибом, не встречали иван, значит, шли по Судьбе.

Тишина, вкрадчивая, подлая, стелилась следом, предавала, вскрикивала, обнажала каждый шаг. Но только благодаря ей мы наткнулись на Фридриха. Тот скрипел, раненая ночная птица. Он говорил по-немецки, говорил, не страшись. Звуки родной речи обнимали ночь, делали ее покладистой, теплой к нам. Казалось, еще чуть-чуть, и она даст нам немного воды, пару капель, чтобы хотя бы вспомнить ее вкус.

Фридрих сидел на корточках и обметывал руками противопехотную мину. Гладил ее бока, ласкал. Называл нежными именами.

– Фридрих! – Мы кинулись к нему, мечтая обнять, рассказать о своем откровении, но натолкнулись на пустой, отрешенный взгляд, напоролись, как солдат на штык.

– Не подходите, – предупредил, поднялся и занес ногу над миной, – я говорил с ними.

– С russisch?

– Да, – Фридрих горько усмехнулся, – я учил их немецкому. Я же учитель.

– Пойдем с нами, – не сдавался Стефан.

– Я никуда не пойду, – по щекам Фридриха текли слезы, настоящие слезы, я заскрипел зубами от зависти, – они показали мне огонь.

– Какой огонь, Фридрих, не надо, – закричали мы наперебой, – что бы они тебе ни показали, не делай этого! Постой!

– Они горят. – Фридрих улыбнулся нам, отер слезы и наступил на мину.

Колокольня перечеркивала небо, голубое и строгое. В нижних ее окнах уже тлел рассвет. Мы дошли за одну ночь, не остановленные никем.

У наших ног лежал колокол, рассеявшийся, но дерзкий. Слова чужого языка петляли по его юбке, перепрыгивая через трещины.

– Идемте, – протянул нам пустые свои руки Стефан, мы с Отто встали по бокам от него и внесли его под пробитый купол.

Здесь пахло дождем и смертью.

У входа лежали каски, простреленные и целые, тысячи касок, головы павших. Внутри вели полосы, словно кого-то тащили волоком, а он сопротивлялся, цеплялся когтями и зубами, перечил.

Чем глубже мы входили в тень, тем сильнее драло меня беспокойство.

Я первый увидел имена.

Они селились на каждом камне, все стены церкви были усеяны надписями, убиты ими, расстреляны цифрами, буквами, именами. Они поднимались до самого потолка, исчезали среди дыр и пробоин, растворялись меж росписи потолка.

– Я не знаю russisch.

– Это имена.

С первого дня войны. Детские и взрослые. Видевшие божий свет всего пару дней и оставившие мир на девятом десятке.

– Что они обещали здесь своему Богу? – спросил Отто, и я впервые прочел в его голосе благоговение. Отто ходил с широко раскрытыми глазами, он уверовал.

– Это наш общий Бог. – По мягкости голоса Стефана я заподозрил дурное.

– Что бы ты ни задумал... – Но он перебил меня:

– Я пойду к russisch и буду молить их о прощении.

Я видел, как Стефан пишет на стене свое имя.

«Не ставь дату, не закрывай, умоляю! Нет!» – беззвучные мои крики тревожили только птиц в моей голове.

– Ну, вот и все, – выдохнул Стефан, – мне пора.

«Предатель, а как же я?! Ты в своем уме? Скоро наступление, тебя убьют! Стекланный генерал! Или Ivan! Шальная пуля!» – я не знал, как остановить его, чем, какие отыскать слова? Мы же просто нашли церковь с именами. Что с того?

– Я тоже оставляю свое имя. – Отто вынул нож и принялся царапать стену.

Я обернулся, Стефан выходил из храма. Мне разорваться между ними?

– Постой, куда же ты?!

У ступеней в храм полукругом стояли Ivan. Впервые видел их так близко.

Молчаливые скелеты. Одежда болталась на их костлявых телах.

Они крепко сжимали рты и автоматы. Мы смотрели друг на друга, разделенные невидимой стеной, дверь в которой только распахнул Стефан. Он вошел в их строй и растворился там, стал неотличим, хотя я отлично видел его китель, прическу, понимал, что он – третий справа, но что-то исчезло. Имя, оставленное на стене колокольни?

Мимо меня пронесся Отто.

– Эй! – вопил он. – А я? А меня?!

Он бежал вслед уходящим Ivan, на ходу освобождаясь от портупей, отбрасывая нож, за ним тянулась дорожка из просыпанных патронов. Отто кричал, пока Ivan не обернулись, они ждали его.

Отто упал у их ног, выбросил вверх руку, внезапно сухую, как ствол дерева в пустыне, и я увидел, что он горит, полыхает изнутри, корчится в пламени, но этот огонь кормит решимость всех остальных, дает им силы, знамя, алое знамя победы. Факел в ночи.

Отто ужасно кричал. Я сел на пороге церкви и отвернулся, зажал уши руками, не в силах выносить этого крика.

Когда крик умолк, Ivan ушли.

Отто остался лежать.

* * *

Последний из нашей шестерки, я не удивился, когда стал свидетелем конца Гюнтера.

Я многое видел с колокольни. Скелет снайпера одолжил мне винтовку, затвор проржавел насквозь, а вот прицел был еще крайне хорош.

Иван приручили Гюнтера, неделя в плену сделала его похожим на сытое домашнее животное. Мы не сумели разглядеть в нем эту тягу, подчиняться и убивать по приказу, а они разобрались.

Гюнтер подскакивал от желания угодить, юлил, ластился.

Ему выдали лопату, он копал могилы, бесконечные строчки, зашивающие рот russisch земле. Гюнтер очень старался. Иван стаскивали сюда сотни немецких трупов, земля должна была сожрать всех без остатка.

У последней могилы его поставили на колени.

Он запрокинул голову, распахнул рот, разорвал его пальцами пошире, я видел, как лопнули губы, Гюнтер жаждал вместить в себя побольше.

Комиссар Иван не пожалел для него полной фляги. Лил и лил, вытряхивал до капли.

Опилки, они летели в пасть Гюнтеру, блистая.

Иван взвел курок и выстрелил ему в затылок, изо лба ударила тугая струя черной воды, она мгновенно заполнила узор могил, утопила тела в грязи.

И тут же схватилась морозом.

* * *

Что со мной было? Чего не было? Я во всем сомневаюсь.

Что бред сознания, истощенного многодневной жаждой? Был ли я во время тех событий? Или до сих пор лежу в плену мертвого тела своего товарища Гельмута? Я выбрался? Я нашел Стефана и Отто? Он сгорел? Я умираю?

В пользу этой версии говорит многое. Простите, но я не могу искренне поверить в эти сказки. Колокольня? Имена? Вся Германия пьет собственную мочу, потому что russisch ее прокляли и пылают теперь всем своим народом?

* * *

Я очнулся под одним из разрушенных домов в районе вокзала.

Ночью район накрыло канонадой.

Утюжили плотно, дома били в ладоши, рассыпаясь и складываясь, я мчал, как заяц, кривым заположенным зигзагом. Меня подвела нога, я не удержался и полетел в воронку от взрыва.

Плюхнулся лицом в лужу замерзшей воды, по привычке попытался грызть лед, набил полную пасть. Тот начал таять и превратился в гуталин. Меня вырвало. Вместе с отчаянием пришла ясность.

Это не сон.

Не бред.

Не выдумки воспаленного сознания.

Это битва за Сталинград.

И я в ней больше не участвую.

Я попытался вскарабкаться по склону воронки, но он осыпался и унес меня вниз.

Небо ревело, низвергая на землю артиллерийские снаряды. Обе стороны обрушили друг на друга всю ярость, которая скопилась за прошедшую неделю.

Мы пошли в наступление. Но іван не думали сдаваться.

По склону в мою воронку рухнул кто-то еще.

Сверкнуло – не смотри, убей! Вот обломок кирпича. Но я удержал руку. Оттолкнул убийство.

Отшатнулся.

В свете рукотворных зарниц увидел ромбы в петлицах и сразу показал пустые руки.

– Убивай! – крикнул я. – Хочешь – убивай!

Іван показал пистолет и левую пустую руку.

– У меня – ничего. – Я рассмеялся. Как хорошо, когда у тебя ничего нет.

Через пару часов улеглось. Мы лежали в воронке, до пояса застеленные песком. Іван достал флягу, отвинтил крышку и сделал пару глубоких – я наслаждался этим звуком – глотков.

Протянул мне, я взболтал воду и вылил себе на лицо. Вода просыпалась пеплом.

Іван рассмеялся, я хотел засмеяться тоже, но вдруг заплакал, навзрыд, отчаянно и остро. Он подполз ко мне, неловко обнял, я вцепился в него, уронил голову на плечо и плакал, пока от соли не заболели глаза.

У іван были ясные голубые глаза.

Он убивал.

Я тоже.

* * *

Не помню, как перешел реку, но в лесу мне стало очень жарко. Я сбросил китель, стянул сапоги и оставил их под березой. Откуда здесь березы?

Босой вышел на дорогу, но силы оставили меня, и я лег в колею, в душистую пыль, лицом в небо.

Надо мной плыл клин розовых облаков.

Я не слышал звука шагов, но потом небо заслонило лицо женщины, она держала на руках младенца, оба смотрели на меня без страха, увлеченно.

– Чего лежишь? – спросила женщина, баюкая ребенка. Тот мотал головой и дул щеки.

– Убегаю.

– Пить небось хочешь?

– Пить. – Я не понял, на каком языке ко мне обратилась женщина и как я ей ответил.

«Вы тоже горите?» – но нет, это были обычные румяные люди. Их одежда и взгляды не несли на себе ни тени. Бог вел их за руку.

Женщина переложил ребенка на стиб другой руки и обнажила грудь.

– Попей, милый.

Я встал перед ней на колени и пил, закрыв глаза.

Я пил и не мог напиться.

Молоко было горьким.

Как мои слезы.

Василиса Павлова

Серый человек

Ленинград, декабрь 1925 года

– Сергей Александрович, не пугайтесь, это снова я! Ну перестаньте наконец размахивать тростью, убедительно прошу вас. Вспомните, чем в прошлый раз дело закончилось – зеркало, такое красивое, расколотили. Жалко ведь. А с чего вдруг? Я, дорогой мой, не демон и не Черный человек, каким вы меня в поэме выставили, а всего лишь посредник. Посмотрите, и костюмчик на мне серый, в полоску, ничего черного в помине нет. И прихожу я исключительно к гениям, восстанавливаю справедливость.

Вот давайте поговорим спокойно, без нервов. О чем я вам в прошлый раз рассказывал? Правильно, об обществе поэтов-гениев, покинувших этот мир и благополучно обитающих теперь в том, другом, спокойном и справедливом. Сомнения ваши мне понятны. Думаете, Александр Сергеевич и Михаил Юрьевич сразу на дуэль согласились? Что вы, голубчик. И одного, и другого уговаривать пришлось. Зато результат-то каков, а? Кто из ныне живущих не знает безвременно ушедших на пике славы «отцов» русской поэзии. Задумались? То-то же. Дуэли, понятно, сейчас не в моде, это прошлый век. Так давайте придумаем вместе что-нибудь эдакое, чтоб ваш уход был ярким, загадочным и незабываемым. Нет, не болезнь, что вы. Болезнь всегда оставляет в памяти у публики чахлый вид гения, слабость да запах лекарств. Не нужно нам это.

Да и про лекарства, смотрю, зря я вам напомнил. Вы ведь только-только из психиатрички прибыли, не лучшее место для отдыха, скажем прямо. Кстати, хорошая мысль, самоубийство на почве депрессии. Вполне обоснованный уход – и такой подходящий, шокирующий. Дамочки у вас на похоронах рыдать будут, прямо фонтанами изливаться! Представили? Вот, вижу, представили, уже улыбаетесь.

Кстати, о дамочках. О ближнем круге не жалейте, у них и тут дел хватит. А вот с Айседорой, возможно, вы и там вскоре сможете встретиться. Я тут случайно услышал, общество гениальных танцовщиц ее планирует пригласить к себе. Туда, конечно, в другой мир. Нет, голубчик, ей самоубийство не подойдет. Оно вообще больше мужчин красит. Но уж тут подберут что-нибудь поизыщнее. У балерин, скажу вам по секрету, посредник творческий. Придумает для нее уход красивый, муаровый. К примеру, шарф, если попадет в колесо автомобиля, да и затянет случайно шею. Это ж сюжет какой, прямо как для писателей-художников созданный! Уверен, ей понравится. Напрасно вы думаете, что не согласится. Женщинам, особенно которым за сорок, на это решиться проще. Их век уже практически позади. А впереди что? Старость, дряхлость... Да еще для артистки. Так что не тревожьтесь, встретите вы там скоро свою Айседору, наговоритесь еще.

Нуте-с, вернемся к нашим баранам. Домой вы недавно съездили, с родней повидались. Держать вас тут особо никто не держит, насколько я знаю. Тело ваше хоть и молодое, а раздрызгали вы его уже основательно кабаками да кутежами. Так что давайте к делу.

Организационно, я так понимаю, останавливаемся на самоубийстве? Теперича к записке предсмертной перейдем. Как зачем? Вы ж поэт. Записку вашу, да еще если стихотворную, потом все кому не лень цитировать будут. Кровью написать? Хорошо, интересный ход, оригинальный. Над содержанием подумайте, конечно, но начало, очень советую, пронзительно-про-

щальное. Ну, к примеру: «До свиданья, друг мой, до свиданья...»¹ Записываете? Отлично. Знаете, я рад, что мы договорились. А то тростью по зеркалу, ай-ай-ай...

Москва, март 1930 года

– Ну какое Общество мертвых поэтов-то, господи? Не мертвых, а бессмертных! Владимир Владимирович, я вам тут битый час толкую, а вы все понять не желаете, упрямитесь.

Ну, послушайте еще раз и задумайтесь наконец. Здесь вы свой путь уже прошли, протопали, прокричали. И сплеча рубили, и шашкой махали, и глотку драли почем зря. Ну и хватит, голубчик. Пора, как говорится, и честь знать. Вас там бессмертие ждет, справедливость и райские кущи, созданные специально для талантов. Прямая дорожка вам в историю, к другим поэтам-гениям. Вон Сергей Александрович очень за вас переживает. Кстати, кланяться велел.

Нет, Лилию Юрьевну с собой взять не разрешается. Вы на Айседору-то не кивайте, она сама по себе гений, хоть из другой сферы. А Лилия ваша Юрьевна кто? Муза? Да черт она в юбке, хоть и муза. Сколько вас мучила, сколько крови молодецкой выпила. Зато представьте, вот вы умрете... Да не надо кулаки сжимать, не собираюсь я вас убивать, у меня и силенок-то на это не хватит! Просто представьте, говорю. Сейчас она вас не ценит, играет как кошка с мышью, то приманит, то царапнет. А не станет вас – где она еще такого могучего человечика себе в игрушку найдет? Да заскучает сразу, как пить дать потухнет. Будет всю оставшуюся жизнь тосковать, колечко, подаренное вами, на пальце крутить, каждую минуточку с вами вспоминать. А, вижу, приятны вам такие перспективы. И ведь так и будет, поверьте моему опыту.

Я-то знаю, ушедших всегда ценят больше живых, потому что, когда вернуть ничего не возможно, все в другом свете видится. Так в этом и есть сама суть справедливости другого, моего мира. Вот живет поэт, мучается, исписывается потихоньку, теряет былую славу, стареет. Так про него и забудут, хоть он новую Библию напиши, хоть «Илиаду». А ежели, например – бац, и не станет его вдруг, – тогда совсем другой коленкор, другое отношение. Потому что в вечность ушел. И сразу стихи его ценнее становятся, глубинный смысл в них проявляется. Он уже того, бессмертный, классик.

Ну, наконец-то согласны. Мне уж пот со лба утереть хочется, до того я с вами намучился. Давайте к деталям перейдем. Нет, вешаться не будем, зачем Сергея Александровича повторять. Для вас пистолет, думаю, подойдет. Красиво, мужественно. В лицо только не стреляйте, с него потом маску гипсовую снимать будут. Лучше в сердце. Вот, прямо сюда.

Теперь про записку. Да, обязательно. Интересный вы народ, поэты. Стоит вас уговорить, так вам сразу же уйти не терпится. Нет, это правильно, каждый гений заслуживает покой и признание. Только записку все равно нужно. Желательно в стихах, чтоб они гвоздем в память народную врезались, как другие ваши строки. Вы пишете, не торопитесь, никто не гонит.

Ой, ошибка у вас тут, Владимир Владимирович, опечатка закралась. Надо «инцидент исчерпан», а вы пишете «исперчен». Впрочем, стоп! Знаете, а так, пожалуй, даже еще лучше. Исперчен – значит покрыт перцем, это ух! Прямо по-вашему получилось, мощно, с размахом и наотмашь. Оставляйте. Только в кавычки возьмите.

А выражение «Общество мертвых поэтов», что вы в самом начале разговора употребили, мне все же нравится. Романтично звучит. Надо будет знакомым синемаатографистам предложить, пусть фильму снимут с таким названием. От эффектного заголовка многое зависит.

Ну что, готовы? Тогда в путь. К высшей справедливости, дорогой мой гений, к бессмертию.

¹ «До свиданья, друг мой, до свиданья...» – строка из последнего стихотворения С. А. Есенина (1895–1925).

Москва, июль 1980 года

– Владимир Семенович, не спите еще? Ничего, не вставайте, я тут на краешек присяду.

Ну что, год прошел с прошлого раза. Да, с той самой неудачной репетиции ухода, когда вас Марина обратно утащила. Сейчас, насколько я знаю, ее нет, домой во Францию улетела. Что решили-то, повторим?

Понимаю, жалко уходить. И Москва такая красивая, улыбающаяся, олимпийская. Так ее, Москву-то, оттуда еще лучше видно будет, поверьте. Зато тело освободите от тягот земных, от укулов этих проклятуших. Вообще, конечно, жить вам еще и жить бы, но сами подумайте, что дальше-то будет? Стариком станете в сорок пять, добьет вас морфий, до полного иссушения доведет, а то и до сумасшествия. А там, в другом мире, среди равных вам бессмертных гениев, без разрушительных привычек, ведь снова творить будете! В полную силу.

Хороший, кстати, вопрос – как и для кого? Мне его как-то доселе не задавали. Почему-то поэты все больше другим интересуются. Но отвечу, конечно. Хотя вы и сами подумайте, когда вдохновение тут, в этом мире, приходит, не возникает ощущения, будто кто-то диктует, на ухо нашептывает? Вот, это она и есть, работа гениев. Они себе сами подмастерьев из живущих выбирают, мастеров из них выращивают. Потому как если на благодатную почву капля их таланта упадет, так потом только следи и радуйся, как новый гений из скорлупы вылупляется. И помогать-то, в общем, дальше и не нужно, если только душа попросит. Но помогают все равно, ищут отражения в своих учениках поэты наши бессмертные. Представляете, какой простор бесконечный, какая даль для творчества? То-то. Ну, вот и славно. Вижу, что согласны бесповоротно, и теперь репетиций не будет, все всерьез.

Нет и еще раз нет! Никаких петель и пистолетов. Вы еще меня насмешите, про дуэли вспомните. У вас будет спокойная, умиротворяющая смерть во сне. Да, просто остановим сердце. В медицинском заключении напишут о сердечной недостаточности. А вот любимый черный свитер далеко не убирайте, пригодится. Хоть и попытаются скрыть ваш уход, чтобы праздник олимпийский не омрачать, а все равно от народа такое событие не спрячешь. Пол-Москвы вас придет провожать на Ваганьковское. Поэтому и проводят как со сцены, аплодисментами, в костюме Гамлета Таганки.

Какая записка, помилуйте! Стихи оставляйте, просто стихи. Что, есть уже написанное? Да, это хорошо. Пусть живущим запомнятся эти строки последними: «Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, мне есть чем оправдаться перед ним»². Хоть и ерунда это все на самом деле. Вы же знаете, куда и зачем идете...

Где-то в другом мире, примерно август 1990 года по земному календарю

– Господа поэты, минуточку внимания! Послушайте! Нет, Владимир Владимирович, я не ваше стихотворение сейчас собираюсь цитировать, это я внимание ваших коллег так пытаюсь привлечь. Александр Сергеевич, ну прошу вас! Посмотрите, Михаил Юрьевич и Сергей Александрович уже оторвались от своих блокнотов. Уважаемые поэты, кучнее, пожалуйста, сейчас вашему рассмотрению будет предложен новый кандидат. Уж не знаю, чей он протеже, но гениальный малый, задиристый! Вот послушайте, что пишет:

...Судьбою больше любим
Кто живет по законам другим

² Фрагмент стихотворения В. С. Высоцкого (1938–1980), написанного незадолго до смерти.

И кому умирать молодым³.

Слова-то какие, мысли! Ведь молод еще совсем, зелен, а уже буквально зрит в корень. И про вас, то есть про нас, догадывается – видно же из строк. Зовут Виктор Робертович. Собирается вскоре поехать на рыбалку под Ригу, на машине. Пригласим?..

³ Слова из песни «Звезда по имени Солнце» В. Р. Цоя (1962–1990).

Евгений Лукин

Засада

Наверное, ни на одной землеподобной планете не бывает столь темных ночей. Вроде и луна тут имеется, причем довольно большая, – а толку? Даже в самую ясную погоду редко-редко проступит из общей черноты пепельный тусклый диск, но светлее от этого, поверьте, не становится.

Вот и сейчас – хоть глаз выколи! Полагаться приходится лишь на слух да на ошупь. Шорох перистых листьев, шустрая побежка суставчатых лапок по незримой тропке, иногда хлопки кожистых крыльев в кронах, сопровождаемые сиплым квохтаньем.

– Знаешь, что я тебе скажу? – хриловато произнесли в темноте и заворочались, должно быть, устраиваясь поудобнее. – Зря ты все это затеял.

– Ничего не зря, – скрипнули в ответ – именно скрипнули, а не проговорили. Впору вообразить, будто подал голос крупный земной попугай, хотя откуда бы ему тут взяться?

– Полнолуние, – словно бы оправдываясь, продолжал скриплоголосый. – Самое время для этой погани. Кто-нибудь по тропинке да попрется. Чем хочешь клянусь...

– Сказано: никогда же не клянитесь, – проворчал первый.

Последовал короткий треск – похоже, второй смущенно кашлянул. Или крикнул.

– Уверен, короче... – исправился он.

– Уверен он... – недовольно отозвались из тьмы. – А если сворой ползут?

– Значит, всю свору положим. Тропинка – узкая.

– Что-то ты, я смотрю, расхрабрился сегодня.

Скриплоголосый смолчал. Кажется, обиделся.

– А как иначе? – с вызовом спросил он чуть погодя. – Либо мы их, либо они нас. По-другому никак. Одно слово – монстры. Ты же их сам видел! Ничего человеческого...

– Кроме разума.

– Да какой у них разум? Злоба одна!

– Тихо! По-моему, ломится...

– Рановато вроде... Луна только встает еще...

Несколько секунд напряженного молчания, затем негромкий металлический щелчок – и что-то с глухим стуком упало в сухую перистую листву, толстым слоем выстилавшую лесные тропы.

– Ты что, обойму выронил?

– Ну да...

Хриплый презрительно фыркнул.

– Вот и ходи с тобой в засаду! Ищи давай...

В темноте снова заворочались, закрихтели, зашуршали перистыми сухими листьями. Нашупать обойму не удалось.

– Зажги, а?

– Увидит.

– Да некому пока видеть... Зажги.

С непривычки тусклый огонек показался ослепительным. Он выхватил из кромешной тьмы причудливые ветви, стволы и две склонившиеся к земле фигуры. Одна, человеческая, была облачена в защитный комбинезон, тяжелые ботинки и шлем с прозрачным забралом. Вторая больше всего напоминала гигантскую многоножку артроплеву из позднего карбона, согнувшуюся в знак доллара. Нет, кое-какие отличия, конечно, имелись: крупная голова, хватки на груди. Грудь, кстати, ритмично вздымалась, что говорило о наличии легких. Хитин

отливал вороненой сталью, на фоне мелких сегментов брюшка сияла серебром тонкая нитевидная цепочка. Видимо, украшение, причем явно не местное. С Земли.

– Вот она... – Тот, что в комбинезоне, поднял обретенную обойму. – Держи, растяпа!

Проштрафившийся напарник принял боезапас нижней парой клешнеобразных ручонков, поскольку верхняя была занята карабином. Загнал обойму на место и выключил свет.

Все опять провалилось во тьму.

– Как ты вообще можешь их с нами равнять? Твари! Уроды! Вот ты говоришь: разум. Чужой у них разум! Не наш. Не людской...

– Давай-ка помолчим лучше! А то на всю округу шум подняли... Только, слышь, патрон в патронник сразу загони...

Клацнул затвор. Стало тихо. Снова проступили шелесты листвы да похожие на позевоту стоны из ближнего болотца.

* * *

В прогале между невидимых крон обозначился тусклый пепельный диск. Пик полнолуния. По словам членистоногого, самое время для засады.

И ведь не соврал членистоногий. Минут через двадцать к приглушенному бормотанию ночных дебрей добавился новый звук: несомненно, по тропинке пробиралось нечто массивное, причем не шло оно, а такое впечатление, будто ползло рывками. Остановилось. Таящиеся в засаде – замерли. Неужто почуял? Нет, двинулся снова. Ближе, ближе... Вроде бы тьма впереди шевельнулась.

– Огонь!.. – еле слышно выдохнул хриплый.

Карабины грянули разом, переполошив лесную живность. В кронах глухо захлопало, заквакало. Вспыхнул свет. Поперек тропинки неподвижно чернела плоская туша, показавшаяся поначалу неправдоподобно огромной. Двое приблизились, держа оружие на изготовку.

– Чисто сработали, – заметил землянин. – Что скажешь, крестничек?

Тот, кого только что назвали крестничком, опять изогнулся знаком доллара и потрогал поверженного стволом.

– На капище ихнее пробирался, поганец! – враждебно скрипнул он. – Жертву небось принести хотел. Может быть, даже человеческую...

Теперь уже можно было сказать с полной уверенностью, что убитый и убийца ничем не отличаются внешне друг от друга. Разве что размерами.

– Где б он ее взял?

– Жертву? А мы-то с тобой на что! Выстрели чуть позже – заломал бы обоих... Видал, здоровый какой! Спасибо тебе, крестный...

– Ну так я ж за тебя в ответе, – хмуро напомнил тот. – Отпустишь без присмотра, а ты вон обоймы теряешь...

Подошел, помолчал.

– Не жалко?

– А они нас жалеют? Часовню сожгли, с батюшки хитин ободрали... заживо...

Землянин вздохнул, закинул карабин за плечо, огляделся озабоченно.

– Может, прикопать его? Хотя бы листвой присыпать...

– Зачем? – не понял членистоногий крестник.

Крестный несколько замялся.

– Н-ну... Все-таки соплеменник твой... сородич...

– Сородич! – угрюмо передразнил членистоногий и как бы невзначай шевельнул нижней правой клешней серебряный крестик на цепочке. – Какой он мне сородич! Нехристь...

Людмила и Александр Белаш Ино

Разум есть универсальная категория. Разные виды разумных обречены на сотрудничество и подлинного прогресса достигнут, лишь объединившись.

Ридгели диль Барбэ

– Дракон на краю, – предупредила Кути напарника. – На западном склоне, в зарослях. Я четко вижу его голову и шею. На шее лаут-налетник. До них по прямой три тысячи рук. Высота две семьсот.

Семантика языка Кути иногда раздражала Шурубей. Если кто-то ездит на животном – он наездник. Если летает – налетник, плавает – наплавник.

– Пометь его. – Шурубей переключил очки-дисплей на наружку. Автоматы-поисковики, лазившие по стенам и дну каньона, замерли. Затем они перевели оптику по направлению взгляда Кути, дав парню объемную картинку. Те, что отвечали за охрану археологов, еще раньше подняли остроконечные стволы шокеров, похожие на жала.

Ну, точно, лаут и его шестикрыл. Зверь крупный, лоснящийся. Покрит темной, радужной с переливом кожей. По бокам сплюсненной морды – рядки черных глаз. Лаут – самец с копной дредов на плоской голове, чем-то схожей с драконьей. Бурый, будто копченый, в набедренной повязке, с какими-то украшениями на шее, запястьях и щиколотках. Обхватил шею зверя и руками, и ногами, а шея толщиной с хорошее бревно.

– Не опасен, – подвел итог Шурубей. – Дракону негде перепонки развернуть для старта. Других по склонам не заметно. Предлагаю на время свернуть работы и перейти в вахтовку. Поднимем дроны, оглядим каньон сверху – может, их там с десятков затаилось, ждут команды. А автоматы пусть пашут, как им задано.

Со своей стороны, Кути тоже бесила семантика плоскача. Переносные смыслы в его речи так и пестрили, переливаясь и мороча словно маскировка. Переводчик, заряженный языками землян, нет-нет, да путался в словах.

– Пахать – значит взрыхлять почву для посева. Что это значит сейчас?

– Работать, много трудиться. Подожди меня, пойдем в вагончик вместе.

Пока он выходил из разведочной штольни, пройденной автоматами в стене каньона, Кути опустилась на корточки, не отрывая прицела очков от незваных гостей.

Хотя – кто тут незваный?.. Лауты обитали на Эллоле десятки тысяч лет – или сотни. Как раз сроками их истории и занимались Кути с Шурубеем, а на других раскопах – остальные межвидовые отряды. Даже не столько археологией, сколько палеонтологией, потому что цивилизации у лаутов не отмечалось. Их нашли такими, какие они сейчас, – дикарями, драконьими налетниками, наездниками и наплавниками. А потом...

То, что было потом, показывал каньон трехтысячной глубины.

Он был их общим миром – огромный, ветвящийся, как лабиринт, созданный исполинскими машинами. В ту далекую эпоху глыбы породы и скалы взлетали фонтанами под грохот взрыв-таранов, а солнце меркло в тучах пыли и гари, поднимавшихся до стратосферы.

Теперь глубокие раны земли затягивались. Кривые стволы жилолистов, впившихся в склоны разлапистыми корнями-щупальцами, на пункционной пробе давали срок до пятисот лет. Цвели и плодоносили каменки – ползучие лианы, крепкие, как витые тросы; их одуряющий горьковатый аромат уже начал нравиться Кути. По дну, между обомшелых скал, струилась тихая речушка с чистой прозрачной водой. В сезон цветения воздух гудел от сонмов крылатых

сегменташек. В реке водились пиявсы, ручейники, прозрачные рачки, а между камнями обитали змейсы, шевелячки, ящероты – целая вселенная проворной мелкоты.

Вдали синело большое запрудное озеро – там громоздились руины механического короэда величиной с городок. Синева озера обманчива – вода радиоактивная, реакторы короэда отравили ее. Но и в ней копошилась какая-то жизнь!

Землерой – тот, кто роет землю, биогенный грунт. Ниже лежит кора планеты, литосфера, на суше толщиной до сорока тысяч рук – для ее взлома нужен короэд. А короэдов собирали и пускали в ход дальние предки Кути. И это не самый глубокий каньон на Эллоле. Правда, за шестьсот лет после окончания добычи воды ветры и растения их немного сгладили, но устранить эти титанические пропасти природа не в силах.

«Какого змея мы тут ищем? Ничего нет. У них не было истории. Просто срослись с биосферой и жили, как ручейники, не зная прошлого, не думая о будущем. Никаких следов цивилизации. Наши раскопки напрасны. Тем более на глубине тысячи рук, где штольня. Это уровень бурых углей, им миллионы лет».

Хотя здешний стаж шел ей в зачет баллов, она ощущала работу как искупление за грехи предков. А лауты... они будут следить за возней пришельцев, чуждой и непонятной им. Пока не дождутся, когда все улетят.

«Интересно, что они думают о нас? Обо всех, кто сюда заявился?.. Сошли с ясного неба, изувечили мир, а теперь роются, копаются, будто вчерашний день потеряли...»

Надеть летный ранец, подняться до края, зависнуть напротив дракона и спросить через мегафон... Языки лаутов известны, налетник поймет. Но не ответит. У них на все один ответ: «Нет». Или «Уходите». Им ничего от разорителей не нужно. Пришельцы мешают длить вечность.

Между тем из штольни появился Шурубей и, приладив на спину ранец, медленно поплыл по воздуху к Кути. Дивная была картина – фигура с зеркальным блеском на фоне уходящего ввысь ржаво-желтого склона, заросшего каменкой и жилолистом, с оврагами-промоинами и следами давних обвалов.

При этом он задирает вверх голову в шлеме, следя за драконом, и горланил песню на своем языке:

И снится мне обрыв прямо с кручи горной,
Где сидит, глаза прикрыв, старый ворон черный,
Старый ворон, черный вран – все он ждет, зевая,
Пока вытечет из ран кровь моя живая!⁴

Какое у землян непредсказуемое поведение!

Дракон и лаут остались недвижимы, а Кути поднялась навстречу и спросила:

– Ворон и вран – это одно и то же? Очень похоже по звучанию.

– Да. – Шурубей приземлился в облачке рыжей пыли, заставив ее наморщить длинные ноздри. – Птица на Старой Земле, крупная и сильная. Кое-где ее удалось интродуцировать.

– В штольне что-нибудь нашлось? – Кути задала вопрос из вежливости, чтобы отметить работу напарника. Все-таки он лично наблюдает за проходческими автоматами, сканирует стены в надежде найти хоть тень, хоть окаменелый намек на прошлую цивилизацию.

Ну да, миллион лет назад. За это время исчезнет все. Одиннадцать тысяч поколений лаутов. Даже память исчезнет. Когда лауты шли на контакт – вернее, их заставляли, применяя телепатию, – результат был нулевой. «Мы всегда. Земля всегда. Никогда иначе. Нет машина. Нет железо».

⁴ Стихи Д. Сухарева.

– Пара подозрительных участков. Я дал задачу выделить их осторожно, посмотрим к вечеру. Какие-то упорядоченные структуры.

Энтузиазма в его голосе не было. Скорее, усталость. В темноте штольни, при искусственном свете, фильтруя воздух от пыли и спотыкаясь о камни – так он провел много дней. И всякий раз структуры оказывались природными, геологическими.

– А у тебя?

– С дронами я прошла вдоль верхних слоев осадочных пород, по восточному склону. Почти до озера. Это достоверный срез. Если бы встретились следы металлов или изотопов, можно было бы говорить о чем-то. Взяла пробы на стекло и керамику.

– Летим к вагончику. Помоемся и поедим. Дурная затея – использовать карьеры как раскопы, – вырвалось у Шурубей с досадой. – Если бы лауты охотились за минералами, мы бы находили шахтные стволы, остатки оборудования. А здесь только помойки ваших добытчиков и обломки короедов. Я их уже опознаю в один погляд, на глубину восемь мет... то есть десять рук.

Кути потупилась. Каждое напоминание о вине предков кололо ее как заноза.

«Я должна отбыть эту вахту. А потом привезут новую партию наших – виниться и переживать?.. За что нам столько покаяния? Это несправедливо!»

– Извини, я не сдержался, – буркнул Шурубей. – Просто надоело то и дело наткаться на техническую рухлядь... Лучше б запустили сюда мусорщиков. Столько хлама – его век вывозить, утилизировать, дезактивировать... А то сменится мир, Эллолу вновь найдут и скажут: «О, как народец измельчал и опустился – раньше карьеры до верхней мантии рыли, а теперь пьют с четверенек, без штанов живут».

– Мир не сменится. Цивилизации просто умирают, как люди, и остается кладбище.

– Знаю эту сказку, – отмахнулся парень. – У Ридгели тоже ума не хватило рассчитать на перспективу. – Далее он с важным видом процитировал: – «Недостаток всех цивилизаций в том, что они существуют; мы кое-как знаем их начало, но никогда – их конец». Ему не доставало широты мышления. Скажи, где гарантия, что мы видим не первую-единственную Ц, а вторую, третью?.. Летим! Поговорим за едой. Подставляй руки. – Подняв ранец Кути, он расправил его лямки.

– Я не привыкла, что меня одевают.

– А я не могу обойти традицию. У нас мужчина помогает даме. Мы адаптируемся друг к другу, верно?..

– Хорошо. Ради сближения Ц и в видах интеграции – я позволяю.

С точки зрения Шурубей она меньше всего походила на девушку-землянку. Скорее, на крупную двуногую собаку бежевой масти со слабым, почти неуловимым красноватым отливом, с чуткими подвижными ушами и лохматой короткой прической. А уж глаза... Эти глазища! Не сразу он привык определять, куда направлен взгляд без зрачков и что он выражает – интерес, равнодушие, грусть или радость.

Последнее смотрелось очень приятно – такие пляшущие сполохи, будто глаза сверкали изнутри. Вот и сейчас они пробежали и скрылись.

– Надеюсь, я никогда не давала повода думать, что веду себя по-женски. Подтверди. Мне не пристала такая манера, она несвоевременна.

Прямота Кути тоже его удивляла, а иногда забавляла, но он сдерживал смех. Трудно догадаться, научили ее так общаться с иновидцами или оно у них поголовное.

– Вы ведь ровесники в группе, да? – Он помог ей приладить лямки, хотя она – при небольшом росте и тонком, изящном сложении – была не по телу сильна.

– Почти вровень ровесники. Подростки. Но мы все высоко обучены для своего возраста.

– Это я заметил. С техникой очень хорошо ладите.

– Мне наскучил каньон, – неожиданно сказала Кути. – Мы здесь как в яме, без широты горизонта. Слышим только друг друга, ветер наверху и оползни. Я даже немного рада лауту, что он пришел. Словно новый человек в окружении. Мы... любим общность, коллектив.

– Я стараюсь быть хорошей компанией. Ну, может, у меня не всегда получается. Все-таки первый раз общаюсь с вара. Но я тебя сразу приметил.

Кути вздрогнула, прижала уши.

– Как?.. Где? Когда?

– Когда вышел из шлюза, с курьерского судна. Вас было шестеро... На свежий взгляд вы кажетесь одинаковыми, но я глазастый. Ты слегка красноватая... Других же молодых не прибыло в тот заезд? Значит, это была ты.

Такое признание было ей и лестно, и... чуточку стыдно.

Услышать это от иновида было так неожиданно.

Одно дело дома, среди своих, но тут!..

Из домашнего у нее остались только два кашуна в вакуумной упаковке. На случай, если накатит ностальгия.

* * *

– Я улетаю к плоскачам, – доверилась Кути уличной торговке. – Буду там учиться в экстернате, а дальше – как покажет расчет баллов. Их надо много набрать, и чтобы без штрафных.

Женщина, что продавала кашуны с хрустящей корочкой, была Кути немного сродни – ее, посадку, тоже родила дикуня. Но дары иномамки она применила для продажи печева и жарева вразнос. Вкус и нюх у инородцев особо тонкие, с ними еду готовить просто здорово. Три-четыре лотка кашунов у нее сметали за день как моргнуть.

А могла бы взойти в поварихи, в высокий разряд. Или нюхачом в полицию, тоже почетно. Даже экспертом к парфюмерам – их и врачи для консультаций приглашают. Анализатор запахов менее чуток, чем живой нос посадки.

– Далеко лететь? – спросила женщина, подав ей кашун в обертке, тотчас пропитавшейся душистым маслом. Кути села рядом на корточки, как торговка, и с аппетитом амкнула.

– Дней сто двадцать. Дорогой будут инструктаж внушать, микробные пленки накладывать, защиту ставить и прилаживать трансформер пищи.

– Ой. Даже нашей еды с собой не взять?

– Дорого и хлопотно. Пайков нужны вагоны-эшелоны, а потом всем по точкам развозить. Невыгодно.

– Вот оно, правительство, какое жадное! На добыче наживаются, а своим ученикам завтраки-обеда обеспечить – денег жалко! Так... Сумка есть? Подставляй, кашунчиков насыплю. В пути пожамкаешь, родину вспомнишь. Чем еще там нелюди накормят!..

Кути пыталась отнекиваться, совала денежную карту – «Да я заплачу!», – а душу так щемило, впору заскулить. Верно говорится – «Не смотри, какой разряд, а гляди, кто тебе рад». Вот казалось бы – тетка лохматого сословия, с лотка по улицам сбывает, а дарит не глядя, от души, лишая себя заработка.

– Спасибо, тетенька, век доброты не забуду.

– Ладно, милая, пустое – я еще напеку. Вернешься – привези подарочек на радость, мы ж друг дружке не чужие.

На прощание Кути с торговкой облизалась – раз и два, как принято у близких, расставаясь.

Доведется ли еще свидеться? Путь-дорога дальняя, и что еще там ждет, у плоскачей? Экстернат – два года, потом экзамен, расчет баллов. Если повысят от экстерна до стажера, то останешься в программе.

Мысленно Кути прощалась и с поселком, и с планетой. Шла домой, глубоко втягивая ноздрями букет вечерней улицы, чтобы отложился в памяти.

Можно накачать его баллонов несколько – они компактные и легкие, их в саквояж штук шесть войдет, лимита не нарушив. Или губки пропитать и запечатать в пленку. Кашуны сублимировать...

Как на заказ, вечер выдался чудесный. Змей-Дракон скрылся за дальними горами, украсив горизонт сияющей зарей. Тишь и густая синева простерлись над поселком. Слышался только легкий шелест фотоэлементов на крышах – исполнив свою работу, они закрывались лепестками; должно быть, ночью дождь пойдет. С их нежным шуршанием сливался трепет летучих фонарей, поднимавшихся из депо. Вспорхнув, воздушные лампы загорались и разлетались над улицами – паря, высматривая, кому путь подсветить, а заодно учесть, кто чем занят, не нужна ли помощь.

Кто с рождения живет под куполом расчета и учета, для того небо с дронами – пустой прозрачный небосвод. А стены с ушами-глазами – гладкие, без пятнышка и дырочки. Скорее испугаешься, узнав, что тебя никто не видит, не радуется о тебе. Как вообще люди работают в иномирах – без охвата, без присмотра?.. К этому придется привыкать.

Завтра, уже завтра все уйдет вниз и скроется за призрачной дымкой атмосферы. Новая жизнь.

На корабле еще так-сяк – свое тяготение, свой воздух, своя еда и компания, а дальше – чужое общество, сложные условности, тиски иной и непривычной психологии.

До свидания, Ранкари. Я еще вернусь – в новом разряде, на пять... на семь уровней выше. Первым делом – после визита домой, конечно, – побегу искать тетку с кашунами, чтобы вонзить клыки в корочку – хрусть! – и чтобы масло по губам текло, а я его языком слизывала.

* * *

Ничего обидного или, храни Змей-Дракон, унижительного в названии «плосколицы» нет. Просто традиция обозначать иномирян. У эйджи, именующих себя «землянами», лица очень плоские в сравнении с людьми. И уши неподвижные, короткие – не корноухими же их звать, это оскорбление. Поэтому берутся характерные, эмоционально нейтральные признаки. Скажем, туанцы в этой схеме – «тонкие дүхи», форцы – «восковый блеск», аларки – «хохлатые» и так далее. А плоскачи, вощенные, хохлы и тонкодүхи – просторечные словечки для своих.

Конечно, есть и злые названия. Они только вне прослушки, за них сразу минус-баллы. Но, просканировав каморку на предмет ушей, можно иной раз и волю себе дать. Тонкодухи и вощенные – извечные враги, победившие Ранкари. Унизившие, вынудив работать на себя.

Ну, пусть не на себя. И не один народ Ранкари. Это они, существа Верхнего Стола, именуют «межвидовая интеграция во имя сопроцветания». А нас тихомолком зовут «ресурсники» или «добытчики».

Интересно, как они называют плоскачей? «Искатели»? Плоскачей много. У них развитый дальний флот. На амбициозные проекты вроде межгалактических зондов не замахиваются – руки короткие, – но распространяются и проникают много куда. У эйджи кустовая схема освоения.

Но мы раньше начали и шире разлетелись.

Перед стыковкой с орбитальным комплексом «Эллола-Небо» Кути внимательно перечитала раздел *«Ошибочные, ложные и предвзятые мнения других цивилизаций (Ц) об эйджи»*. Вдруг пригодится. Строили «Эллолу-Небо» форцы, но содержат – эйджи. В рамках сопроцветания.

Впечатление сложилось нехорошее.

«Плoduщие. Везде лезут. Неистребимые. Пронырливые. Бестактные. В большей степени жулики, чем нягоницы и яунджи. Агрессивные. Где их трое, там будет десять – и уже требуют гражданских прав. В массе своей могут быстро образовать видовую криминальную организацию».

Вот и стягивай перед ними губы гузкой, прячь клыки и вежливо сюсюкай.

Надо заранее надеть переводчик.

«Как же жалко, что я мысли не слышу! Не повезло с этим, увы. А запах или веяние агрессии – их еще когда распознавать научишься. Путем многократного негативного опыта».

После шлюзовки, когда экстерны с Ранкари группкой вывалились с сумками в коридоры комплекса, впечатления обрушились валом. Ладно, тяготение на одну пятую меньше, это даже приятно. Но их светильники! Сплошь оттенки серо-желтого в глазах, будто цвета исчезли. Но шквал инородных запахов!словно в заражном бараке. Громкие, жесткие, лающие голоса. Даже шепот их слышен как крик:

– О, добытки приехали! Мама, какие уши!.. Скажите мне, что это линзы. Нет, парень, это фасеточные глазки, привыкай. Они всегда пахнут камфарой или только с перепуга?..

– Добро пожаловать, уважаемые вара, – с грубой ломаной речью выступил встречающий, самый тут вежливый. – Вам приготовлены комнаты с подходящим освещением и температурой. Я вас провожу и буду помогать до спуска на планету...

– ...которую вы вкрай изгадили, – едва донеслось от зевак.

Экстерны сгрудились, тесным контактом добиваясь единения. Раньше, в полете, свои немного избегали касаться Кути – инородка, существо особое. Сейчас же всякие разрядные барьеры рухнули ради родства по виду.

«И тут пропаганда духов! Какая низость – взвалить на нас всю вину за Эллолу!.. Из-за остромордых вралей нас здесь встречают, будто мы Ц разрядом ниже, а не выше...»

Воодушевленная чувством локтя, она дерзнула возразить за всех – и, как веяние, ощутила их безмолвную поддержку.

– Позволю себе исправить вашу ошибку, допущенную по незнанию. Эллола пострадала по замыслам других миров. Мы лишь невольно подчинялись планам межвидовой интеграции.

«Змей-Дракон вас пожри!.. Мы жили под прицелом их орудий! Вам бы так пожить, в страхе и принуждении, платить и каяться! Что вы знаете о неволе, плосколицы?»

– Вы правы, – примирительно сказал встречающий. – Это предвзятое, ошибочное мнение. Ваш приезд на Эллолу – путь к избавлению от предрассудков. Будем трудиться в единой команде.

«Хоть один что-то соображает!»

Утратив интерес, зеваки разбрелись кто куда. Встречающий ласково (он и жесты человеческие знает!) манил за собой. В стороне гулко вздохнул другой шлюз – пристыковался еще корабль из ожидавших в очереди. Должно быть, малый, курьерского класса, – вышли только двое пассажиров.

Первый – худощавый самец (половой диморфизм у эйджи Кути знала по справочнику) в мешковатой темно-серой куртке и широких брюках, с косым рюкзаком. За ним другой, массивный, весь в черном, включая круглую шапочку; этот второй вез за собой чемодан на колесах.

Местный персонал тотчас расступился, молча дав им дорогу. Совсем тихо, одиноко прозвучало:

– Вот вам и биот, пожалуйста.

На слове «биот» переводчик запнулся, не найдя аналога.

И следом из других уст, на выдохе:

– Скорей бы его вниз.

Не меняясь в лице, эйджи в черном повел головой на звук. Неужели и он услышал?..

Вместе с двумя новоприбывшими появился тонкий, еле уловимый запах. Кути про себя сочла его признаком дезинфекции или пленочной биозащиты, хотя запах казался живым, телесным.

В следующий раз она ощутила его, когда ее знакомили с напарником:

– Нил Шурубей, планетолог-стажер. Вам предстоит вдвоем работать в раскопе.

Разумеется, ее поставили на самый сложный участок – жить наедине с иновидцем, на дальнем отшибе от всех остальных, куда комплектующие и еду завозят раз в шесть суток.

– Ты сильнее и выносливее простородных – такая задача тебе по зубам. Крепись, выше уши! Помни, ты представляешь Ранкари перед лицом конкурента и потенциального противника, держись достойно, не давай послаблений... – Ну и прочая мотивация в том же возвышенном духе.

Вот и сказалось происхождение, привет. Представлять мир перед чужеродным самцом, причем наверняка под надзором охватной системы. Даже двух. Если своя техника напичкана вставками, то и его наверняка. Или трех систем?.. Часть снаряжения – от тонкодухов; они тоже не преминут изучить, как вара с плоскачом общается, у кого трепещут волосы на теле, чье сердце и когда чаще бьется.

Это и зовется «ридгелистика», учение о взаимоотношениях разумных существ разных видов. Точная наука, между прочим. И мы с Шурубеем – ее подопытные шевелячки.

А я бы и одна тут пожила, не взвыла. Жили ж дикуни как бирючки, диканы как бирюки, если случалось от стаи отбиться или со старшими повздорить до клыков и крови.

Но с Шурубеем удалось поладить.

Присматриваясь день за днем, выяснила, как от него веет любопытством, как – напряжением, усталостью, весельем. Пусть не дано телепатии, но чутье и нюх при мне, они не подведут.

* * *

Вахтовую базу для них устроили удобно и компактно. В месте, безопасном от обвалов или оползней, расположились вагончик, водный бак с запиткой от реки, техотсек, изотопный генератор, автоматный ангар, лаборатория, улей дронов и площадка для флаера. Мачта давала связь с сетями.

Жалко было думать, что однажды это уютное гнездо будет брошено, его затянут плети каменки, и змейсы станут греться на камнях, как раньше.

Каньон, конечно, немного наскучил, но и представить себя вне его Кути было грустно. Пусть на Эллоле даже летом в субтропиках кажется холодновато, но приятно видеть, как при закате на дне громадной долины зарождается туман, словно сизое молоко льется из ниоткуда в кисти рук, сложенные чашей... И стрекот сегменташек, свиристенья ящеротов – в свете лун кажется, будто плывешь в молочном озере, в добрых гигантских ладонях земли. Ты одна перед величием природы. словно не было ничего, и время вернулось на свой медленный круг...

– Он скрылся, – сообщил Нил, заглянув в локальную сеть. – Шестикрыл отполз, потом взлетел вне обзора снизу. На дрон еле оглянулся. Других в обзоре нет.

Кути проголодалась и торопила трансформер, чтобы скорее пропускал черед себя пищу землян. Это машинка дорогая, сложная, энергоемкая, требующая ухода, подачи-слива воды, но зато с ней можно есть одну еду и за одним столом с напарником. Превращать L-изомеры аминокислот в D-изомеры – если по-землянски говорить, – чтобы усваивались. Правда, еда из трансформера была скучной, однообразной. Хотелось чего-нибудь острого, настоящего, со вкусом, с мясом и костями.

– Может быть, мы зря тратим энергию на автоматы охраны? – спросила Кути, влегкую пожамкав челюстями. – Сколько напрасных расходов!.. Драконы нападают очень редко, а лауты – никогда. Хватило бы личного шокера.

Покончив с едой и облизав губы, она не удержалась и взяла в рот грызку. Покатать ее, помять зубами – удовольствие, от которого трудно отказаться. Правда, с грызкой речь становилась чуточку невнятной.

– Я склонна полагать... (грызь-грызь) что археологические исследования – это лишь повод собрать на Эллоле разные виды разумных. Очевидно же, что Ц лаутов никогда не была. То, что мы делаем... (грызь-грызь) вы называете «очистка совести». Для нас – избавление от комплекса вины, для вас – повод однажды заявить: «Мы честно искали, ничего не обнаружили. Польза миссии в том, что мы мирно общаемся с другими видами и укрепляем отношения». Как ты думаешь?

– М-м-м... кроме теорий Ридгели, есть формула Ави Леба, по которой от живых Ц мало толку – они не иллюстрируют всех возможных вариантов развития. По Лебу, надо искать не живые Ц, а мертвые – найти, понять, что их погубило, а потом избегать этого. В этом смысле поиск на Эллоле не лишен смысла.

– Тогда было бы умнее изучать лаутов. Они-то выжили. Значит, именно в них есть ответ?

Сейчас Кути особенно рассчитывала на охват прослушки, вложенной далекой родиной во все девайсы. Работа мысли измерима, когда мысль высказана или написана. А оригинальная, даже дерзкая мысль – это плюс-баллы. Смелость поощряется, научный поиск – второе. Наконец, можно в охват обратиться – любезные сотрудники, а поднимите-ка мои речи от такого-то дня. Видите? Это я, я сказала! Зафиксируйте-ка цитатку за мной.

– Интересно. И какой ответ? – От Шурубей плотно повеяло горячим любопытством, удовольствием и притяжением. Последнее даже на глаз заметно, как он вперед подался.

– Может быть, изначально высокая способность к адаптации. Интеграция в природу, как в защитную среду, в приспособительную оболочку. Биосфера как биозащита. У них не было смены мира... перезагрузки, по-вашему – апокалипсиса, или это случилось давно, до уровня культуры, поэтому индустрии не возникло. Зато лауты укрепились в том, чего достигли.

– Апокалипсис был, – возразил Нил. – Ресурсный шквал. Двести лет добычи с эффектами «ядерной зимы», снижение потока солнечной энергии, осадков и температуры.

– Но это лишь доказывает мое предположение, – сронив мокрую грызку в ладонь, пылко продолжала Кути. – Они были готовы к удару и легко выдержали его, даже после широких потерь. Поэтому следует искать не культурный слой, а следы астероидной бомбардировки, прохождения сквозь густую газопылевую зону, признаки излучения сверхновой. Это работа для астрономов-хронологов. Что-то должно было ударить биосферу, чтобы она выработала механизм противодействия. Именно поэтому я осмеливаюсь утверждать, что мы исполняем здесь какое-то иное задание – не то, которое было озвучено.

Переводя дыхание, она торжественно закончила тираду:

– ...и я этому рада, потому что познакомилась с эйджи... с землянами, особенно в твоём лице. Теперь я смогу дальше работать с вами. Вот.

– Могу только искренне согласиться. – Нил не стал прятать улыбку. – То есть взаимно рад.

– ...хотя наша работа кажется напрасной, она все равно полезна для мира. Мы глубже поняли Эллолу – жаль, что раньше биологи и планетологи были тут в роли лохматого сословия...

– Кого?... – Теперь и его переводчик запнулся.

– Э-э... – Кути засовестилась. Надо же, ну вот зачем это вызвалось?... Объясняй теперь. – Это историческое. Архаизм. Люди, близкие к природе... Социально низкие. Неполноправные. Как назвать бедняка, содержимого богатыми из милости?

– Приживал.

– Спасибо, запишу в словарь. Преимущество имели инженеры, геологи, геологоразведчики, им выделялись места, обеспечение, снабжение. Природоведение было на втором... третьем месте. Все изменилось только после шквала. Но важно сейчас не это. Если я права...

«А я права! Попробуй опровергни!.. В лучшем случае программа из двух компонентов – мы-шевелючки и планетология».

– ...то как мы должны действовать дальше?

Смелость поощряется, но есть предел, где дерзость переходит в непокорство, а плюсы превращаются в минусы. Кути ощущала, что вот-вот ступит за этот предел, и расчет достижений станет учетом проступков. Но огонь сердца и характер неудержимо влекли ее к опасной грани.

На языке вертелось – «Мы окружены ушами-глазами, у нас две сотни автоматов, дюжина охранников, медицинский мониторинг – каждый вдох записан».

– Надо подумать. – Токи-веяния Нила словно замерли. – Сразу не ответишь. Пока предлагаю вернуться к работе, какой бы напрасной она ни казалась. У нас много времени – давай им воспользуемся.

Его размеренный спокойный голос – куда девался землянин, по настроению громко поющий про птиц? – и отсутствие направленных флюидов утихомирили ее решимость. Кути ответила кивком.

– Я хотела бы узнать еще одно слово. Во внешних словарях оно не отыскилось. Биот.

– А, это... – улыбнулся он. – Где встретила?

– Сказали вслух. Про твоего попутчика. Он был в черном, такой крупный.

– Это жаргонизм. Так зовут искусственных людей.

– Робот? Киборг? Артон?

– Нет, совсем другое. Артон – кибер-протез тела для живого мозга, а биот сам живой и цельный, просто иной. Биологически не совсем человек. Справься в словаре на «гомункул», там все сказано.

* * *

Их миры холодны, темны, иногда заражены бестелесными силами, которые входят в мозг и плоть, лишают разума и изменяют естество. Воющий туман – меньший из ужасов на их планетах. А биосферы? Или они едва теплятся, или лежат во прахе, или в минуты могут растворить тебя с костями.

Ну, не меня. Мои хитиновые кости им не по ферментам, а мои D-изомеры встанут им поперек горла.

Но само впечатление о Ц плоскачей-искателей, что заселяет самые утлые места Галактики, невольно вызывает уважение и оторопь. Какой-то особенный разумный вид, рожденный в ледяную полночь и с тех пор идущий сквозь тьму космоса в поисках тепла и света.

Неудивительно, что им на ум приходят выдумки, какие даже высшим Ц не снятся. Кипит их разум, возмущенный злой судьбой; из бурления мыслей всплывают варварские, дерзновенные затеи.

Своего гомункула они придумали, когда еще не взлетели с матери-планеты. Тогда их биотехнологии были в зачаточном состоянии, дело не сложилось, но идея витала в умах. Пре-взойти своего Творца (как у них Змей-Дракон зовется?) и самим создать жизнь.

А вот лет полтора назад удалось. Чуть позже киборгов с их псевдоорганическими тканями. И как-то заурядно, буднично, в рабочем порядке – «создан жизнеспособный организм № 1, получивший имя Автоном». От слова вымершего языка Αὐτόνομος – «живущий по собственным законам, независимый, самостоятельный; свободный, вольный».

Вкусное, привлекательное слово. Не для миров, где охват. Хотя создали автономов как раз в коллективном мире, где охват должен быть. Техно-социальный мир, по их классификации, или комми. Видимо, они соревновались с каппи, техно-рыночными, которые занимались киборгами.

Но всех обошли фор, вощенные. Те еще раньше придумали куспилсов, как бы улучшенную модель самих себя.

Вот спроси их по очереди – *зачем* вы это сотворили?

Известно, что услышишь – «Наука, прогресс, развитие, познание!».

А на самом деле – показать три пальца Змею-Дракону в небосводе. А он там рассмеется и ответит: «Ваши создания бесплодны. Моих рожают женщины или дикуни, а ваших надо собирать штучно, силами бригады биотехников».

Куспилсы, биоты, киборги – все они с конвейера. Даже если он выглядит как материнский пузырь с пуповиной.

– Ты общался с тем биотом? – приставала Кути к Нилу, пока он застегивал крепления ранца.

– Да, нормально. Парень как парень. Он прилетел сюда для велопробега.

– Ездить по Эллоле на мускульном бицикле?..

– Ну, не только. У него задание по экологии. Уровень радиации, восстановление природы – много всякого. Не все можно оценить с орбиты, а чтобы с воздуха дронами... Проще отправить биота, чем сто дронов. Им нужен узел коммутации, центр дешифровки, техподдержка... А он все это сделает один. Рюкзак сублиматов и карта источников воды. Пройдет по земле, изучая вплотную.

– В зонах радиации?..

– У него радиорезистентность раз в двести выше человеческой. Гены браконид, таких мушек. – Шурубей показал пальцами что-то очень мелкое. – Мутации ему не страшны, да и детям он их не передаст.

– Странная у него жизнь. Одиночество в пустыне, где всюду излучение... И даже никаких звонков от родни!

– От друзей, значит. У биотов свои компании. Они и с обычными людьми дружат. То, что он искусственный, у нас почти ничего не значит.

– На орбитальном комплексе его встретили... не приветливо.

– Там наших меньшинство. На планете больше. Федералы и другие... им привычнее управлять машинами, у которых покорность заложена в программу. Они до сих пор не знают, как относиться к автоному. Спецы – те могут, масса – нет.

– Я тоже не представляю, как с ним обращаться, – призналась Кути, машинально проверяя системы ранца. – Знать, что он рукотворный, и... Я бы смутилась, выбирая форму разговора. Но хотела бы попробовать. С ним можно встретиться? Как его зовут? У него есть права человека? Имя? Разряд?

– Имя – Кармин. Они любят зваться необычно, по-старинному, чтобы выделяться.

– А фамильное имя? Ведь семьи нет...

– О, тут масса вариантов! Вся история к их услугам, все этнические словари. Хоть Фараон, хоть Боярин – но это крайности, обычно до такого не доходит. Этот – Селеев, он сам выбрал.

– О... опять гости! – Кути спохватилась, поймав сигнал с периметра.

Дракон-одиночка возник высоко над краем каньона, будто дразня охранную систему, – его парусные перепонки прозрачно сверкали, отражая свет солнца.

– И кружит над ними с хохотом черный тигр-шестокрылат! – Как всегда, Шурубей с чувством обратился к небесам, торжественно вскинув руку. Запас его стихов и песен Старой Земли казался неисчерпаемым.

– Что ему надо от нас? Я начинаю тревожиться. Мы никогда еще не были в центре такого пристального внимания. Дважды за день!.. А как Кармин Селеев может защититься от шестикрыла? С ним же нет охранных автоматов?

– Ручной шокер, скотобойник. Но вряд ли он станет стрелять без повода.

– Выждем?

– Да сколько можно отсиживаться?.. Будь в зоне покрытия – и только.

* * *

Больше дракон не появлялся, и Кути почти спокойно завершила намеченный на день объем работ. Осталось загрузить пробы в процессор, поужинать, вымыться и повалиться спать. Сколько всего узналось сегодня!.. Наверняка охват в курсе, что эйджи запустили на Эллолу автонома, но дубль сведений от нее лишним не будет. Тоже какой-то опыт – проверить, насколько биот вынослив в незнакомых, новых для него условиях.

И он смело отправился по пересеченной дикой местности, в чужую неизвестность, с шокером и рюкзаком сухпайка, просто на двухколеске!.. Наверняка с походной укладкой микротехники, чтобы собрать данные для экологов. А может, и для планетологов-геологов. Где еще вы найдете планету, вскрытую как консервная банка, с обнаженными слоями?..

Неведомый Кармин Селеев волновал ее. Бестрепетно пуститься в одинокий путь по миру, где гуляют пылевые ураганы, где тревожно мигают детекторы излучений, где реют в вышине священные драконы лаутов – повелители ветров, гасители бурь... Неужели так вот, без императивного посыла, вне охвата, по своей воле?..

«Я должна глубже изучить психологию землян-комми. Если Нил честен – а у меня нет сомнений в его искренности, – можно предположить, что у них охват внутри, в сознании, даже когда над головой нет учета-расчета. Что же тогда? Каждый играет роль узла сети, действуя в одиночку по своему разумению, но с учетом общей установки?.. А смогла бы я так?.. О, не знаю!» – Кути пробрало по коже, поднимая волосы. Она представила, что катит по равнинам Эллолы одна-одинешенька, а над головой в вышине парит черный, переливающийся радужными бликами шестокрылат...

Когда выбралась из душевой кабины, Нил уже накрыл стол к ужину, его ток-веяние дышало спокойствием и тихой радостью. Было как-то особенно ярко сегодня.

– Хорошо, день удался. Даже если ничего не нашли, мы его провели не зря. Да и погода отличная. Ветер слаб, инфракрасная отдача от пород высокая – можно перед сном по террасе погулять. Малая луна в третьей четверти, подсветка будет.

Здесьние ночи, даже летние, для Кути были прохладны, но насыщенный день и ей понравился. Продолжить его прогулкой? Почему бы нет?

– Сначала высохну как следует.

Прилаживая трансформер, она обратила внимание на бумажную салфетку, не по порядку лежавшую на краю стола. Бумага чуть мерцала пятнами и каракулями, словно залитая струйкой из соусника. В первое мгновение разводья на салфетке казались беспорядочными, но на второй взгляд Кути поняла – это буквы, старопись и скоропись по-варски. Сделанная ультрафиолетовой краской. И она была видима.

Значит, один из диодов в светильнике на потолке излучал в синей части спектра, чего раньше не было. Люстру-пластину делали плоскачи, рассчитывая на свою точку яркости. Кути не сетовала – на воздухе синевы хватало, а подсветка приборов регулируется. Но здесь, сейчас?.. Почему?

«ВЫЙДУ БЕЗ ВСЕЙ ОДЕЖДЫ. ТЫ ТОЖЕ. ЭТО ВАЖНО. НЕ БОЙСЯ».

– Надеюсь, ты успела сделать все, что следовало? – спокойно спросил Шурубей, сминая салфетку и вытирая пальцы. Направление ее взгляда и взволнованную вспышку он отследил.

Кути поняла, что потеет. В вагончике, наверное, запахло ее волнением.

– Пойду подышу. Выходи, я буду ждать.

Перед тем как покинуть ее, Нил небрежно поводит рукой по пультам наружки. Вроде проверил наблюдающие камеры периметра, но она заметила – перевел автоматы на внешнее слежение. Оптика отвернута от строений базы. Кроме глаз-ушей в помещениях, их ничто не видит-слышит.

Тихо дрожа, Кути рассчитывала в уме. Система настроена на появление чужих извне. Все, что в кольце периметра, по умолчанию считается своим. То есть они двое и автоматы.

Что он затевает? Почему такая скрытность? Зачем выходить без одежды?..

«Я не пойду. Так нельзя. Это неприлично!.. Там холодно!»

Ванная пижама показалась ей скафандром, надежным охватом, защищающим от бед. Снять ее – как броситься сломя голову навстречу темной неизвестности.

Но Шурубей никогда не давал повода подумать о себе как о непристойнике. Всегда на дистанции, неизменно вежлив. Разве что его традиции помогать даме... хотя он с пониманием относился к ее привычкам – зевать во все зубы, близко нюхать и лизать незнакомое.

«Мы чуждые, разные, биологически не совпадаем, – убеждала она себя. – Это не подначка-провокация, за ним не водится. Хочет сказать нечто важное, принципиальное, и... вне охвата. Значит, он подозревает, что в его одежде... и в моей? – Кути провела подушечками пальцев по застежкам. – Да. Может быть. Охватчики не спросят, согласна ли ты. Просто начинают все вкладками. Это же естественно».

Мысль о следящих вкладках в том, что было ей близко как кожа, внезапно вызвала отвращение, почти зуд. Почему все так?.. Для чего нельзя сделать ни шага, ни вдоха вне купола? Противно!

«Αὐτόνομος. Αὐτόνομος. Αὐτόνομος, – повторяла она про себя, набираясь решимости, как перед первым купанием в реке на дне каньона. – Я живу по своему закону. Независимо. Свободно!»

Удивительно, как руки в такт чужим словам избавляли ее от одежд, казавшихся колкими, зараженными.

* * *

За порогом ее охватил холод, но Кути едва замечала его. Туман над рекой молочно светился в лучах луны, словно она шла босиком над облаками, не чуя под собой земли. Шурубей – темный силуэт в лунном ореоле – ждал ее, и торжествующая радость была в его веянии.

– Я готова.

– Погоди. – Склонившись вперед, он провел вдоль тела Кути ладонями, почти касаясь пушковых волос, отчего ее кожа покрылась мурашками. – Повернись. Так. Теперь голова. И еще... – Из-за уха он достал предмет, похожий на грызку. – Проверка на пассивный отзыв. Если есть вставки, они откликнутся. Все, ты чиста. Удивительно. Я думал, вам ставят чипы под кожу...

– Один есть. – Кути показала пальцем на внутреннюю сторону левого запястья. – Датчик пульса и давления. Но он сработает лишь на критических цифрах. Теперь скажи, что важно. Не зря же ты меня подговорил *так* выйти?

– Кармин скоро приедет, ему полдня пути. Надо встретить его с пониманием, знать, кто есть кто, – проще будет беседовать.

– Кармин?.. Ты вызвал его – для меня? – У Кути стало сладко в груди.

– Нет. Я выбрал тебя и доставил сюда – для него, чтобы познакомить.

– Но... почему я?

– Мы одной породы – ты, я, он. Да, я тоже автоном, только не рисуюсь напоказ, как Селеев. – Шурубей улыбнулся. – Непохож?.. Ну, извини, доказывать мне нечем. Разве что просветишь интраскопом. Внутри я кое-чем отличаюсь...

– Я натуральная!

– Ты инородка, подсадка. Натуральнее нас с ним, да, но тут дело в другом... – Нил сел на корточки и жестом пригласил ее сделать то же. – После Эллолы все задумались о том, что любой мир может быть перезагружен, и каждая Ц должна быть готова это пережить. Поэтому и появились вы, мы, куспилсы. Резервный вид на случай, если мир сменится. Более выносливый, с набором дополнительных способностей. Скажем, я чувствую вкладки руками... и еще умею всякое. У тебя нет телепатии, но есть много другого. И вот мы решили познакомиться с другими, кто назначен в будущее. Чтобы знать друг о друге и там, в будущем, не передрались от незнания. Иначе говоря, Ридгели был, по большому счету, прав, когда толковал о сотрудничестве Ц, но говорил – о нас, завтрашних. Мы-то готовимся сознательно, не то что нынешние... с их политикой.

– Но у вас нет детей, – зашептала Кути, обхватив согнутые колени.

– Будут. Дело времени. Если ученые не смогут, мы возьмемся сами. Вернее, уже взялись.

Над головами их зашуршало; в тот же миг погасла вся подсветка базы. В испуге Кути вскочила, вертя головой и на всякий случай оскалив клыки, а Нил остался сидеть:

– Не бойся, просил же. Просто отказ системы, общий сбой. Четверть часа, и автоматика все восстановит.

Шестикрыл опустился в десятке рук от них, величаво складывая перепонки, и лаут, спрыгнув с его спины, вразвалочку направился к паре археологов.

– Думал, женщина не примет нашу истину, – подойдя, заговорил он речью вара. – Рад, что ошибся. Будьте счастливы оба!

– Знакомся, – представил его Нил широким жестом. – Лучший резервный вид в изученной части Галактики. Мы у них учимся искусству выживания.

– Кути Ушупини Коре, – представилась она.

– Валеикон.

– По нашему обычаю, положено друг друга дважды обнюхать. Это означает мирное знакомство.

– Важно. Сделаем так.

Когда исполнили обычай, Кути предложила:

– У меня запасены два сокровенных кашуна. Прошу разделить со мной трапезу. Есть не обязательно, они вам не подходят, просто пожевать.

– Мне никакие изомеры не чужие, все пойдет в тело, – успокоил ее лаут. – Но только быстро. Я слышу, как ваши машины шуршат, восстанавливая свою нежизнь. Надолго мой дружок, – оглянулся он на шестикрыла, который вылизывал перепонку, – их глушить не может. Скучать вам недолго – завтра с рассветом подойдет Кармин.

– Нам теперь не будет скучно никогда, – заверил Нил. – У нас есть нечто общее.

По базе то тут, то там вспыхивали огоньки – система торопливо занималась самодиагностикой, отыскивала причину сбоя, пыталась наладить энергопитание, связь агрегатов между собой и с внешней сетью. В темноте мерцал свет, и тьма не объяла его. И луна шла по небесному кругу, и время остановилось. Оно всегда спало в каньоне, налитое в него как вода – от эона до эона, от прошлой перезагрузки мира до будущей.

Дракон ли веял, лаут ли, а может, оба они заодно с Нилом – Кути вдруг ясно поняла, что отныне у нее есть друзья в двух новых мирах. В древнем и в будущем. Есть опора и защита, самый надежный охват из теплых, дружеских рук – и перепонки, сильных как ветер. И одиночество, сковывающее мысли и плечи, рассеялось, словно его не было.

«Нас много. Мы такие разные, но мы вместе. И мы уже здесь, и следующий мир – наш».

Николай Горнов

Зона посадки

Нарьян-Мар, 17 сентября

Даже в дорогом номере гостиницы «Красный город» было дико холодно, не спасали ни обогреватель, ни стопка шерстяных одеял. Впрочем, остальной Нарьян-Мар тоже замерзал, на улицах было ветрено и дождливо, а до этого Гелий еще основательно промерз в дороге, больше суток ему пришлось кантоваться на боковой полке в скрипучем прицепном вагоне, где невыносимо сквозило из всех щелей, а потом еще почти сутки добираться до места назначения катером. Раньше Гелию не приходило в голову, что в России двадцать первого века могут быть такие адские места, куда не удалось проложить не только железную, а даже обычную дорогу с твердым покрытием, однако же вот он, славный город Нарьян-Мар, столица Ненецкого края.

Ближайшая железнодорожная станция – город Усинск в соседней Республике Коми, а между ними без малого четыре сотни километров по тундре. Причем добраться в Нарьян-Мар из нефтяного Усинска, как оказалось, можно только по ледяному зимнику, петляя между месторождениями углеводородов, а в теплое время года – на катере, неторопливо спускающемся по течению Печоры...

Гелий Крапивников, рыжий, лопоухий, большеротый, умеренно веснушчатый, в недавнем прошлом рядовой клерк, специалист в области «подай-принеси» в московском офисе международной консалтинговой группы «Делойт», а ныне зрело-опытный юрист двадцати семи лет, помощник советника управляющего юридической компании «Правовые решения», грустно посмотрел на потухший экран своего смартфона, сунул аппарат мордой вниз под стылую подушку и опять накрылся одеялами с головой.

Горите вы все в аду, в душе пожелал миру Гелий, как бы продолжая внезапно оборвавшийся телефонный разговор с боссом, но вслух повторить эту фразу не решился. А вдруг его корпоративный «айфон» тайно фиксирует все им сказанное, а потом через свои заоблачные сервисы передает сокровенные мысли непосредственно начальству? Нет, ну теоретически такое же возможно?

Смартфон ожил опять. В этот раз на связь попыталась выйти мама Гелия – Ада Александровна.

– Гелик! – заговорила трубка зычным голосом бывшей примы Ярославской областной филармонии. – Ты в порядке? Одеваешься тепло? Не голодаешь?

– Мама, ну что со мной может случиться?

– Да что угодно с тобой может случиться. – Ада Александровна вздохнула. – Ты же никогда меня не слушаешь. Почему тебя опять нет в «скайпе»?

– Потому что в гостинице очень медленный интернет, мама...

Гелий перевел смартфон в громкий режим, бросил его на стол и под убаюкивающее мамино бубнение стал разглядывать унылый ледяной дождь, не прекращающийся за окном уже вторые сутки. Ему действительно хотелось есть, мама была права, но останавливало полное нежелание куда-нибудь идти, ведь там, вполне вероятно, можно было вымокнуть под дождем, а кафе на первом этаже гостиницы не работало второй день, и никто не знал почему, и теплых вещей Гелий с собой не прихватил, да и вообще ему в данный момент не хватало сил даже на элементарные действия.

Мысленно Гелий еще был в дороге, среди облупившихся зеленых стен маленьких вокзальчиков, где люди с привычной сноровкой выгружают из грязных поездов на низкую платформу мешки с картошкой, в тумане на крошечной центральной площади непонятного городка, среди темных домов в мокром песке, у загаженного голубями памятника Ленину в зарослях гигантской полыни, среди сгорбленных людей у обрыва к реке, между тощих собак с печальным взглядом, спящих вповалку на холодном берегу, у дебаркадера, плавно качающегося на свинцовых волнах Печоры...

Ждать водометной «Зари» пришлось целую ночь. И судя по виду рейсового катера, он долго пробирался через все мыслимые и немыслимые жизненные бури, прежде чем добрался до пристани Усть-Усинска. Салон «Зари» оказался тесным, похожим на вагон заслуженной подмосковной электрички, только в этом «вагоне» Гелию пришлось провести не два часа, а в десять раз дольше, да еще делить одно пространство с какими-то круглыми бабками в плюшевых жилетах, шумными детьми, которых невозможно успокоить, группой туристов с грязными рюкзаками, потертыми личностями неопределенного возраста с негабаритным багажом.

И даже на палубу нельзя было подняться, поскольку таковая отсутствовала. И заняться было совершенно нечем, разве что смотреть в окно, но Печора – на редкость однообразная река: густые темные ельники на одном берегу, непролазный ивняк – на другом. Изредка встречались поселения, в каждом стандартные цистерны на берегу и рассыпанные по кособокому одиноким деревенным домикам с черными сараями и кучками угля. В поселениях чуть побольше – каменные строения и деревянные настилы на улицах.

И ночевать пришлось в ужасных условиях. Хорошо хоть успел закупиться хлебом, шпротами и кока-колой в поселковом магазине. Зато на обратном пути от магазина до причала попал в приключения: в Гелия воткнулся мертвецки пьяный местный житель в забрызганной свежей кровью клетчатой рубахе. Из-за рассеченной брови правая половина его лица не двигалась совсем, взгляд застыл, словно он смотрел куда-то вовнутрь себя, тем не менее каким-то седьмым чувством парень вычислил именно Гелия, самое слабое звено.

– Э-э-э, мужик, – с трудом произнес местный и мотнул головой, словно ослепшее животное.

Гелий застыл на месте в надежде, что неприятная ситуация рассосется сама собой.

– Дайте ему немного мелочи, – предложил опытный попутчик. – Иначе не отвяжется...

Гелий неловко сунул в карман просителя горсть монет, только что полученных на сдачу в магазине, и тот исчез так же стремительно, как появился, пустившись бегом по неосвещенной улице вниз, к холодной реке, рискуя на каждом шагу оступиться и свернуть тощую шею...

На следующий день, обогнув песчаную косу, катер «Заря» благополучно вошел в один из многочисленных мелких рукавов, на которые распадается Печора перед тем, как раствориться в холодном Печорском море, и Гелию открылся Нарьян-Мар во всем великолепии его ржавых портовых кранов, штабелей леса и покосившихся черных заборов. Моросил дождь, было холодно, грустный теплоход по имени «Архангельск» дал низкий протяжный гудок, пассажиры «Зари» молча перебрались на типовой дебаркадер, гуськом поднялись по тропинке к одинокому деревянному домику на высоком песчаном берегу и так же молча разбрелись кто куда. Моложавый дедуля на праворульной «Тойоте» домчал Гелия до гостиницы за десять минут, но запросил за свои услуги столько, что этих денег хватило бы на дорогу от Москвы до Ярославля.

А потом еще была ночь почти без сна...

Подоткнув под себя край одеяла, Гелий устался в потолок. И зачем ему это все? Для чего он бросил важные московские дела и мучительно добирался на перекладных до Нарьян-Мара? Чтобы выслушивать теперь похмельный бред босса, страдающего в своем комфортном офисе на Пречистенке? Ну, допустим, Гелий опоздал. Но куда можно опоздать в этом городе, где время не просто тащится со скоростью морской черепахи, выброшенной на берег, а еще и движется в обратную сторону? Здесь ничего важного не происходило уже лет тридцать, а

жители бродят по пустым улицам, словно участвуют в съемках фильма про зомби-апокалипсис...

Пустозерск, УГ-42/17, 19 сентября

Не территорию исправительного учреждения посетителей запускали строго по одному, о чем недвусмысленно сообщали предупреждающие надписи на заборах и воротах. Причем заборы причудливых конфигураций не просто были опутаны дичайшими узорами из колючей проволоки, на них еще повсюду торчали фарфоровые изоляторы разных форм, явно намекая на наличие высокого напряжения...

Гелия после долгого ожидания впустили наконец в тамбур, потом в какой-то мрачный «шлюз», где ему пришлось долго вдыхать густые запахи гуталина и резины, пока суровый сержант в маленьком фанерном окошке тщательно проверял документы и по буквам вписывал фамилию Гелия в толстый гроссбух. И только после этого медленно и со скрипом сдвинулась в сторону решетка, и он смог пройти еще дальше, куда-то во влажную глубину.

Колония считалась особой, все здешние осужденные были особо опасными, для них даже встреча с близкими родственниками – счастливый случай, а уж приезд адвоката – большой праздник. Гелия предупредили, что на любой чих в исправительном учреждении УГ-42/17 нужно будет получать чуть ли не личное разрешение генерала Ковбасы, начальника областного управления ФСИН, поэтому он старался не удивляться ничему. И даже тому, что все работники учреждения буквально спали на ходу, и никому до этого не было абсолютно никакого дела...

– Оружие, средства мобильной связи, фото-, аудио-, видеозаписывающая аппаратура? – монотонно поинтересовался у Гелия офицер в серой униформе. – Надо сдать. И все посторонние вещи тоже.

– А как же... – На секунду Гелий растерялся, но потом безропотно отдал и заранее выключенный смартфон, и свой дорогой серый портфель итальянской кожи.

– Проходим, гражданин адвокат, на личный досмотр, – лениво махнул рукой другой офицер с таким же одутловатым серым лицом, как у первого.

Потертый линолеум, кирпичные стены, укрытые десятками слоев шаровой краски, кругом решетки. В такой обстановке хорошее настроение выжить не сможет...

– Теперь-то я могу увидеть своего доверителя? – Гелий изо всех сил старался не раздражаться.

– Разумеется, – кивнул офицер. – Мы вас проводим. Только сначала придется встретиться с нашим начальником.

– Зачем? – встревожился Гелий.

– Не могу знать, – равнодушно произнес конвоир. – Следуйте за мной...

– Могу я кому-то пожаловаться? Или хотя бы возразить?

Конвоир пожал плечами, вывел Гелия из кирпичного здания КПП и провел мимо плаца с аккуратно покрашенными бордюрами и длинных приземистых зданий без окон, отделенных от общей территории высоким забором из бетонных столбов с колючей проволокой.

– Это ваш очаг культуры? – усмехнулся Гелий, заметив перед входом в одноэтажный барак красочный стенд, посвященный творчеству Михаила Круга.

Сопровождающий офицер кивнул, пропустив иронию мимо ушей.

– У нас и Дом культуры свой, и музей. Начальник приказал вас в музей доставить...

Бегло осмотрев блеклые фотографии и прочие экспонаты, Гелий узнал, что молодая советская власть приспособила под нужды заключенных территорию древней Пустозерской крепости. Во время Отечественной войны заключенные построили литейный цех, а в семидесятых выпускали промышленные пылесосы, которые поставлялись даже в страны соцлагеря.

Одно время у колонии была и собственная речная флотилия из нескольких буксиров и барж. Во время перестройки рядовых эзков перевели на Лесную речку под Архангельском, а в Пустозерской крепости, чтобы намоленное место не пустовало, создали учреждение для особо опасных преступников...

Начальник колонии появился минут через сорок, когда Гелий уже потерял терпение.

– Как музей? – поинтересовался подтянутый полковник с поломанными ушами боксера. Он первым протянул руку для рукопожатия. – Пуйда Юрий Сергеевич. Прошу прощения за задержку.

– У нас все разрешения есть, – пробормотал Гелий, вяло пожимая протянутую ладонь. – Ваши люди сутки их проверяли. Надеюсь, вы понимаете, что я не могу обсуждать с вами вопросы, касающиеся моего доверителя? Я с вами, собственно, даже разговаривать не могу...

– А разве мы разговариваем? Я хотел музей показать. На правах, так сказать, радушного хозяина. Поскольку с богатой историей нашего учреждения вы уже сами ознакомились, перейдем сразу к экспонатам. Видите предмет в углу? На первый взгляд, это самая обычная лопата...

– Вы сейчас издеваетесь?

– И не думал. Это наша гордость. В середине восьмидесятых по заданию партии и правительства учреждение освоило производство наилегчайших в мире садовых лопат из титана. Правда, с количеством слегка промахнулись. За год завалили лопатами все хозяйственные магазины Архангельской области...

– Юрий Сергеевич, боюсь, у меня мало времени. Меня ждет мой доверитель. И я не понимаю цели нашей встречи...

Полковник Пуйда многозначительно хмыкнул.

– В молодости все куда-то торопятся. А потом мы узнаем, что торопились зря... И наши цели не всегда оправдывают средства, кстати. Хотя моя цель весьма простая – я просто хотел познакомиться. А что тут удивительного? Вы же из самой Москвы прибыли. Московские люди в наших краях – редкость. Как там Кремль? Как парк «Зарядье»?

– Стоят как вкопанные, – тяжело вздохнул Гелий. – Непоколлемимо.

Начальник колонии с серьезным видом покивал:

– Ну да, ну да... Как вкопанные.

– Я могу уже идти? – напомнил Гелий. – Моего доверителя предупредили о встрече с адвокатом?

– Разумеется. Ничто в мире не может помешать вашей встрече. При условии, разумеется, что он захочет с вами разговаривать...

– Вот сейчас я вас вообще не понял. Если администрация учреждения будет создавать препоны, мы завтра же направим претензию руководству ФСИН и исковое заявление в суд о воспрепятствовании законной деятельности адвоката, и вы лично будете неприятно удивлены последствиями. Предупреждаю: мое начальство имеет выходы на Генпрокуратуру и Госдуму.

Полковник Пуйда неспешно прошелся вдоль стендов с экспонатами, смахивая с отдельных фотографий невидимую пыль.

– А вы раньше его видели? Вы его фамилию хотя бы знаете?

– Чью фамилию? И чему вы улыбаетесь, хотелось бы знать?

– Это я о своем, – твердо произнес начальник колонии.

Гелий отвел взгляд. А что он должен был сказать? Что еще неделю назад в его юридической фирме знать не знали ни про Нарьян-Мар, ни про колонию особого режима УГ-42/12 и вообще никогда не слышали про анонимных осужденных, которым вместо имени-фамилии присваивается буквенно-цифровой код.

Нарьян-Мар, 21 сентября

Вообще-то кафе «Колобок» было изначально детским, просто оно располагалось недалеко от гостиницы, где остановился Гелий, имело вполне уютный интерьер, могло похвастаться относительно вежливым персоналом в лице официанток Ирины и Марины, а также приемлемыми ценами, поэтому на его детскость Гелий перестал обращать внимание почти сразу. «Колобок» он посещал иногда дважды в день. Там даже недорогой коньяк можно было заказать. А почему бы нет, как пояснила толерантную политику заведения официантка Марина. Пока дети пьют свой сок, родители имеют полное право на коньяк...

Гелий доел пасту с шампиньонами, запил ее скверным архангельским пивом, которое почему-то именовалось на ценнике крафтовым, и покосился на мобильник, беззвучно разрывающийся от настойчивых видеовызовов. Московский офис жаждал информации. А Гелий совсем не жаждал общаться с московским офисом. Как же быть? Утром Гелий просто сбрасывал все звонки, без всяких объяснений. Днем трижды имитировал низкую скорость интернета, переводя разговор в режим коротких всхлипов. Но в этот раз, похоже, придется посмотреть боссу в глаза.

– Гелий, мать-мать-мать! – заорал московский офис, орошая слюной экран дорогого моноблока. – Где ты был? Почему не отвечал?

– Я тоже вам рад, Павел Аркадьевич...

– Ты совсем идиот?! – Безбровое лицо босса вытянулось от ярости по диагонали.

– Это риторический вопрос? – уточнил Гелий. – Если не риторический, тогда отвечаю: я не идиот...

За неполный год работы в юридической фирме «Правовые решения» Гелий уже научился не принимать дикую ярость босса слишком близко к сердцу. Строго говоря, у Гелия был не один, а два босса, и оба были формально равны, поскольку юридическую компанию создавали вместе, будучи еще сильно пьющими студентами юрфака МГУ. Да и вообще они были родными братьями. Впрочем, Павел Аркадьевич и Лев Аркадьевич, несмотря на близкое родство, кардинально различались и по характеру, и даже внешне.

Павел, получившийся в маму, был рыхлым, ленивым, имел гнусные привычки. А вот Лев, унаследовавший от рано умершего папы высокий рост, узкую кость и легкость, переходящую местами в жизнерадостность, был весьма приятен в общении. Собственно, «Правовые решения» живы только потому, что персонал до сих пор нанимал на работу исключительно Лев. И все ключевые решения принимал тоже он.

– Ты сейчас где? – Павел Аркадьевич, заподозрив неладное, попытался заглянуть за плечо Гелия, но в полутьме «Колобка» ничего разглядеть не смог.

– В кафе, – признался Гелий.

– С клиентом уже повстречался?

– Конечно.

– Ну тогда не мычи, говори внятно. Ты там что, пьяный?

– Почему пьяный? Ой!

Гелий потянулся к пивной кружке и как бы случайно смахнул со стола свой мобильник. Трубка упала на подставленный ботинок целая и невредимая, но видеосвязь благополучно прервалась.

– Другой бы на моем месте каждый день нажирался вдрабадан, а я держусь, – проворчал Гелий. – Потому что у меня характер. И сила воли. И дури полная башка. Вот только зачем я согласился ехать в этот Нарьян-Мар? Кто мне скажет? Марина, не знаете, зачем я приехал в ваш замечательный город?

Официантка обернулась и механически кивнула, даже не вслушиваясь в вопрос.

На самом деле особого выбора у Гелия не было. Его поставили перед фактом. Сказали: одному персонажу, отбывающему пожизненный срок, срочно требуется адвокат. Оплата – сдельная. Сейчас его представляет гражданин Израиля Моше Шимон, он же бывший гражданин России Миша Семенович, но Миша хочет делегировать исключительные полномочия по представлению интересов своего клиента во всех судебных и прочих инстанциях РФ фирме «Правовые решения».

Потом какой-то украинский благотворительный фонд со своего офшорного счета на острове Джерси перебросил гонорар, причем в евро и весьма щедрый, если судить по тому неподдельному энтузиазму, который появился в глазах братьев-учредителей. У Гелия не хватило духу в такой ситуации задавать провокационные вопросы. Он собрал портфель и поехал. Предполагалось, что ничего особенного от него не потребуется. Встретится, поговорит, узнает пожелания, а все остальное – по обстановке. Простое задание? Куда уж проще.

А теперь Гелий чувствовал себя так, как будто пошел в ближайшую от его дома березовую рощицу за грибами-ягодами, а оказался в самом центре боевых действий, да еще и угодил под танк. Кто этот человек с лицом рептилии, в официальных документах именуемый как «осужденный ОР-178»? Кому и почему пришла в голову идея нанять «Правовые решения»? Ведь ни Гелий, ни его боссы не имели никакого опыта в уголовном судопроизводстве, не занимались защитой по уголовным статьям, и это факт, от которого никуда не деться.

Судя по сжатой информации, которую послали Гелию вдогонку, этот гражданин не самой приятной наружности, имеющий редкое генетическое заболевание кожных покровов, год назад был осужден за терроризм, попытку вооруженного мятежа и насильственного захвата власти, а полгода назад ему добавили еще организацию экстремистского и террористического подполья, подрыв основ безопасности государства и свержение существующего конституционного строя.

Такого букета тяжелых эфэбэшных статей другому хватило бы на три пожизненных срока. Да и трудно поверить, что столь изощренный преступник, практически враг государства номер один, мог действовать наобум, выбирая адвоката. Гелий – не дурак, хоть и рыжий. На Пречистенке, в радиусе трехсот метров от «Правовых решений», можно найти как минимум пять пожилых авторитетных юристов, выступающих по телевизору, и они с гораздо большим основанием могли бы претендовать на щедрый гонорар.

Открытым оставался и вопрос, что именно знали боссы. Явно они знали больше, чем успели сообщить Гелию. Начальство лукавит всегда. В этом можно даже не сомневаться. В ста процентах случаев утаивание информации от подчиненных в корпоративной культуре считается управленческой необходимостью. Наверное, такая тактика бывает иногда оправданна, но в данном случае, на взгляд Гелия, боссы перемудрили с военными тайнами...

– Еще пива? – заботливо поинтересовалась официантка. – А хотите принесу коньяку?

– Лучше принесите счет. – Гелий взглянул на часы. – Пора баиньки...

В номере он первым делом вызвонил Льва Аркадьевича. Тот откликнулся мгновенно, словно караулил у своего ноутбука. Впрочем, вид он имел слегка помятый и заспанный. И был, судя по всему, не дома.

– Слушай, Паша мне уже через каждые пять минут названивает, он как бы в панике, – доверительно рассказал Гелию Лев. – У тебя что-то пошло не так?

– Да все пошло не так, – мрачно сказал Гелий. – Если бы вы его видели! Выглядит, как умирающий от чумки варан.

– Да, не зря такой привлекательный был гонорар... Но ведь прямо сейчас мы ничего изменить не сможем? – Лев кому-то показал одну из самых дружелюбных своих улыбок, а потом вернул серьезное лицо. – Гелик, извини, я спешу. Но ты же понимаешь, о чем я? Дружище, ты меня не подведешь?

Гелий вяло растянул губы в ответной улыбке. Его мама тоже почти всегда куда-то спешила, на холодильнике любила оставлять длинные списки дел, которые маленький Гелий дол-

жен был успеть переделать до ее прихода, а перед уходом она делала очень серьезное лицо и точно так же спрашивала: «Гелик, ты меня не подведешь?»

Лев что-то почувствовал, видимо, поэтому не отключился.

– Вот прямо совсем-совсем плохо? – уточнил он. – Помаши мне рукой, если уверен, что справишься.

Гелий махнул поднятой рукой и подумал о том, как все перемешалось в этом мире. Проблемы возникают даже с универсальными системами коммуникации. Поднятая рука была всегда понятна всем. Казалось бы, помаши рукой, и ничего больше говорить не нужно. Но сколько было случаев, когда туристы в Таиланде, оказавшиеся в силу разных обстоятельств на необитаемом острове, махали руками изо всех сил, а проплывавшие мимо местные рыбаки просто не воспринимали эти сигналы как призывы о помощи. Они радостно махали туристам в ответ и спокойно уплывали...

– Клиент хочет невозможного? – Лев приподнял левую бровь.

– Я вообще не понимаю, чего он хочет, – признался Гелий. – Он просто молчит. Я к нему уже трижды приходил, просидел в этой дурацкой комнате для свиданий почти восемь часов. Думаете, я его ни о чем не спрашивал? Он приходит, садится на стул, смотрит сквозь меня и тупо молчит. Я уже не знаю, что мне делать...

– Для начала тебе нужно успокоиться, – посоветовал Лев. – Клиент имеет право быть странным. Этот хотя бы платит щедро. Ты, главное, свое рабочее время фиксируй, а дальше видно будет. Почасовую ставку с завтрашнего дня мы тебе удвоим, разумеется, ввиду особо тяжелых условий труда. Ок?

Пустозерск, УГ-42/17, 27 сентября

За окном опять дождь. Водяная взвесь настолько густая, что за ней не видны даже соседние бараки. Чтобы не мотаться ежедневно между колонией и Нарьян-Маром, Гелий перебрался в Пустозерск. Выбор арендной жилплощади в городке, где нет вообще ничего, кроме колонии, был предсказуемо невелик, местные ютились в одноэтажных деревянных бараках разной степени изношенности, но Гелию повезло, удалось найти относительно теплую и просторную комнату в квартирке с подселением. Теперь у него скрипучий продавленный диван, зато спать можно было всего под двумя одеялами. Вот только воду на чай и умывание приходилось каждое утро набирать в колонке на улице. И посещать туалет типа «сортир» в дальнем углу двора, рядом с угольной кучей.

Лев оказался прав. С клиентом наметился контакт, как только Гелий перестал злиться. Еще пока не диалог, «Ящерица» на прямые вопросы не отвечал, но он стал хотя бы реагировать на раздражители. В прошлое посещение, когда Гелию удалось на пару секунд перехватить его тяжелый взгляд, странный клиент отчетливо произнес:

– Расскажи что-нибудь.

– Рассказать? – растерялся от неожиданности Гелий. – Что?

– Не важно.

Гелию не хотелось ничего, но он быстро мобилизовался и стал пересказывать истории из жизни, которыми его развлекала по вечерам Любовь Петровна, полуслепая старуха-соседка. Дома она всегда носила валенки, еле таская опухшие ноги, и легко шла на любой контакт. Родом она была из какой-то уже не существующей деревни под Псковом, родителей ее расстреляли немцы, старший брат погиб под колесами поезда, а младший умер в пьяной драке, получив удар ножом. Из псковской деревни Любовь Петровну вывез муж, работавший бакенщиком в Нарьян-Маре. Про мужа она вспоминала только хорошее, хотя как с ним жила – уже не помнит. Умер он рано, в тридцать девять. Однажды утром попрощался, ушел на работу, а

через три дня его принесли домой мертвого – остановилось сердце. А вроде и не жаловался никогда ни на что...

«Ящерица» слушал внимательно, слегка склонив голову вбок, иногда облизывая губы, изредка кивая. И Гелий увлекся, стал рассказывать дальше, как Любовь Петровна осталась одна, жила по инерции, пока не потеряла сына-подростка. Тот рос мелким, худым, часто болел, а потом однажды искупался в Печоре, стал кашлять, слег, она сутками работала, лечить его было некогда, только таблетки давала. А когда мальчишку положили в больницу, ему стало хуже, пошли отеки, и через месяц он умер. Любовь Петровна потом полгода спать не могла. Похудела на пятнадцать килограммов...

Когда в комнату для свиданий вошла охрана, Гелий даже удивился, как быстро пролетело время. «Ящерица» ему коротко кивнул, потом отвернулся лицом к стене, максимально вытянув руки назад, чтобы конвоиры смогли сковать его наручниками. В эту минуту у Гелия появилось ощущение, что проверка наконец завершилась и теперь процесс общения с клиентом должен наладиться. И все станет понятней. Бесконечные досмотры и проверки его уже почти не смущали. Привычными стали и заборы, и колючая проволока, и лязг ржавых замков, и влажные решетки, и серые стены, и жеванные лица охранников, и постоянные пятитысячные купюры, которые нужно было засовывать сонным охранникам в их оттопыренные карманы, и ввевшаяся в стены вонь вездесущего гуталина...

На следующий день конвой привел клиента вовремя. И «Ящерица» сразу оживился, как только за сопровождающими закрылась металлическая дверь. Вот только к ядовитому цвету его кожи Гелий никак не мог привыкнуть. В детстве он получал нечто похожее, когда назло маме смешивал все подряд акварельные краски из набора, и тогда по листу бумаги расплывалась мерзкая серо-бурая клякса. Впрочем, цвет – тоже не самое страшное. Лицо и руки «Ящерицы» покрывала твердая корка, напоминавшая слегка чешую, и когда клиент поворачивал голову или улыбался, короста эта трескалась, как тонкий лед на озере, и по изломам начинала растекаться густая темная жидкость. До тех пор, пока корка не засыхала вновь. В такие моменты Гелий с трудом справлялся с тошнотой.

– Я слышу твои мысли, – заявил вдруг «Ящерица». Голос у него оказался низким и скрипучим.

– В каком смысле? – удивился Гелий.

– В прямом. Сейчас ты не считаешь меня человеком. По-твоему, я – инопланетянин, который прибыл на Землю с разведывательной целью, но свою миссию провалил, был пойман и спрятан подальше. Это не так.

Гелий невольно отшатнулся, скрипнув стулом.

– Простите... Не знаю, к сожалению, как к вам обращаться... У вас ведь есть имя? Я даже мысленно не могу произнести: «осужденный ОР-178»...

– Можешь называть меня Аяксом. Устроит?

– Да, вполне. У вас очень редкое имя.

– Аякс – не имя. Это должность, скорее. Или звание. Мне сложно подобрать точный аналог.

– Понятно, – сказал Гелий и судорожно сглотнул обильную слюну. – А скажите мне, Аякс, для чего вам понадобился адвокат? Я забрался в эту, извиняюсь, дыру с единственной целью – представлять ваши интересы. Но сначала вы не хотели со мной разговаривать, хотя ваши доверенные лица уже заплатили нашей фирме солидный аванс, а теперь, после восьми дней молчания, вы заявляете об умении читать мысли на расстоянии. Мне осталось узнать, общаетесь ли вы с призраками и занимаетесь ли материализацией духов...

«Ящерица» вывернул голову, прислушиваясь к звукам в коридоре, и короста на его лице опять пошла трещинами.

– Если быть точным, у тебя не одна, а две версии, – продолжил он, словно не слышал вопросов Гелия. – Когда ты сомневаешься в моем прибытии из глубин космоса, то думаешь: а может, он рептилоид, представитель глубоко законспирированной расы разумных существ, которые произошли от динозавров?

– А мы можем поговорить о чем-то более полезном? – поинтересовался Гелий.

– Я не имею никакого отношения ни к земным динозаврам, ни к внеземным цивилизациям. И чтобы не возвращаться дважды к вопросу инопланетного происхождения, хочу сказать, что распространенные в массовой культуре представления о густонаселенной Вселенной – параноидальный бред, не более. Никаких десантов из космоса в ближайшие пятьдесят тысяч лет не случится.

– Ну что сказать? Меня этот факт едва ли огорчит, – хмыкнул Гелий. – Вот только высока ли точность вашего прогноза?

– Это не прогноз. В обозначенном мной временном промежутке ни добрые, ни злые пришельцы не прилетят, я могу это предсказать со стопроцентной точностью. Вы можете никого не опасаться.

– Сразу polegало...

– Вероятность возникновения инопланетных цивилизаций сильно переоценена.

– Вы занимались поиском внеземных форм жизни? – Гелий уже не пытался скрыть сарказм.

– Да, я посвятил этому некоторое время. Не скажу, что много. Но мои выводы пока никто не опроверг. Если абиогенез не уникален, то почему он произошел на Земле всего один раз? Прошло уже четыре миллиарда лет. Почему с тех пор он ни разу не повторился?

Гелий пожал плечами. Аякс, похоже, оседлал любимую тему, и лучше ему не мешать. И хотя Гелий из школьного курса биологии не запомнил вообще ничего, но он старательно слушал, вникал в термины, кивал заинтересованно. Если странный клиент хочет поговорить о многоклеточности и эукариотах, то Гелий будет его слушать. И послушно удивляться тому, что два миллиарда лет назад Землю населяли крохотные микробы, не имеющие ни ядра, ни митохондрий, а потом в один прекрасный момент все изменилось, внутри одноклеточной археи непонятно каким образом оказался другой организм – эубактерия, и спустя всего миллион лет эта эубактерия стала молекулярной электростанцией...

– Судя по генетической информации, восемьдесят тысяч лет назад человеческая популяция пережила чудовищное сокращение, в тот момент на Земле оставалось не больше десяти тысяч человеческих особей. – Аякс говорил монотонно, без эмоций. – Однако люди, голые говорящие обезьяны, не только выжили, но и расселились по всей планете. И создали глобальную цивилизацию. И вышли в космос. И все это результат цепочки случайных событий, повторение которых критически маловероятно...

Гелию остро захотелось выкурить сигарету, хотя он отказался от этой пагубной привычки еще три года назад. Казалось, даже думать забыл о табаке. И вот опять...

Нарьян-Мар, 2 октября

С утра Гелия залихорадило. У него даже возникло желание остаться в тепле, а не тащиться в сырой и холодный Нарьян-Мар, однако он пересилил себя, заставил организм бороться с болезненной слабостью, которая быстро растекалась по жилам и костям. Поддаваться нельзя, иначе болезнь одолеет окончательно и сделает тело мягким...

В полуподвальной аптеке «Ваше здоровье» он запасся бумажными носовыми платками, каплями от насморка, жаропонижающими шипучими таблетками с запахом черники. Потом выпил две чашки черной жидкости с запахом кофе из автомата в магазине «Олешек». Там же слегка отогрелся, собрался с силами и занял наблюдательную позицию на углу элитной четы-

рехэтажной новостройки в микрорайоне Авиаторов. Через полчаса на парковку возле крайнего подъезда втиснулся черный тонированный «Лендкрузер», автомобиль начальника колонии.

Гелий выждал, пока полковник Пуйда заберет из бездонного багажника полиэтиленовые пакеты с покупками, поздоровается с соседом и его таксой, поднимется к себе и включит свет в кухне. В домофон Гелий не звонил, просто вошел в подъезд вслед за собачником, уверенно поздоровался с ним, как со старым знакомым, поднялся по широкой лестнице, надавил на кнопку звонка. В глубине полковничьей квартиры что-то тренькнуло, потом лязгнули вертикальные сейфовые запоры, и спустя несколько секунд в проеме двери возник сам полковник Пуйда в домашнем спортивном костюме.

– Юрий Сергеевич, узнаете меня?

Хозяин удивленно замер. Впрочем, о его удивлении Гелий мог лишь догадываться, на лице начальника колонии никаких эмоций не отражалось.

– Как узнал адрес?

– Что значит как? – Гелий улыбнулся. – Могли бы и догадаться.

– Ну да, от него, конечно... – Полковник поиграл желваками и приглашающе кивнул. – Заходи. Я сегодня один на хозяйстве. Супруга с дочерью в отъезде.

Гелий с облегчением стянул в прихожей мокрые туфли, взгромоздился на металлический кухонный табурет и украдкой огляделся. Кухня в доме полковника блестела хромом, стеклом и черным лаком, в углу урчал двухэтажный холодильник, у дальней стены журчал цветомузыкальный фонтан, а через арку виднелась большая гостиная, оформленная в стиле раннего хай-тека.

Пуйда, заметив интерес гостя к интерьерам, развел руками.

– Супруга занималась ремонтом, – пояснил он. – Извини, забыл, как тебя зовут.

– Гелий.

– В общем, переходи сразу к делу. Без прелюдий. Ты же не чаи пришел со мной гонять, правильно?

Гелий подумал, что от горячего чая он бы тоже не отказался, достал из внутреннего кармана куртки сложенный вчетверо лист бумаги и молча протянул начальнику колонии. Тот так же молча его взял, неторопливо развернул, внимательно изучил текст, отпечатанный крупным шрифтом на принтере, нахмурился и порвал листок на мелкие части.

– Деньги приличные, разве нет? – Гелий дважды чихнул и высморкался в бумажный платок. – Извините! Можно мне воды?

Полковник фыркнул.

– Он что вообще о себе думает? Я же не могу просто открыть камеру и сказать: лети, лепесток, через север на восток... У нас не проходной двор, а особый режим. За всю историю ни одного побега...

– Но и два миллиона евро на дороге обычно не валяются. – Гелий, не дождавшись разрешения, самостоятельно нашел в шкафчике кружку, налил в нее воды из чайника и высыпал туда же жаропонижающий порошок с острым химическим ароматом. – Юрий Сергеевич, давайте рассуждать логически. У вас, кажется, в Черногории недвижимость? Студия в Будве, пятьдесят шесть квадратных метров, оформлена на вашу двоюродную сестру.

Полковник прокашлялся.

– Откуда информация?

– Не важно. Просто мой доверитель настойчиво рекомендует вам перебраться из Черногории в более приличное место. На берег Женевского озера, например. Уютный домик с виноградником в тихом кантоне Во – что еще нужно русскому офицеру в отставке?

– Отставка – это уже решенный вопрос? И сроки знаешь?

– У вас есть полгода. Год – максимум.

– С-суки!

Начальник колонии несколько раз сильно стукнул кулаком по столешнице, глубоко вдохнул, достал из пакета бутылку пива, опустошил ее одним большим глотком и поинтересовался:

– Деньги вперед?

– Разумеется. Можно даже всю сумму наличными. Но мой доверитель не рекомендует. Наличные легко отслеживаются. Кроме Албании и Косово, разумеется. А еще могут возникнуть сложности в процессе приобретения недвижимости, набегут аферисты из Восточной Европы. Наше предложение – перевод в один из банков Карибского союза. Купите паспорта Федерации Сент-Китса и Невиса, это не очень дорого, а управлять капиталом можно из любой страны. На открытие вашего счета и подтверждение перевода потребуется примерно десять дней.

– Допустим, я захочу выслушать ваше предложение. Какие есть варианты? Ты же понимаешь, надеюсь, что у любого побега бывают последствия?

– Никто и не говорит о побеге, – успокоил Гелий. – Если вы согласитесь оказать услугу моему доверителю, мы найдем приемлемый для всех вариант. Ваше дело – максимально точно следовать полученным инструкциям. Если совсем коротко, мой доверитель как бы умрет от сердечного приступа, а после оформления свидетельства о смерти его останки как бы захоронят на территории спецкладбища. Не сомневайтесь, имитация смерти будет весьма достоверной.

– И откуда вы только взялись на мою голову?! – Начальник колонии с тоской посмотрел в окно и достал из холодильника пузатую литровую бутылку водки «Северное сияние». – Будешь? Гелий отрицательно покачал головой.

– Кто он вообще такой? Что за важный хрен моржовый? Почему мне регулярно звонки идут из Москвы по его поводу?

– Я не знаю. Простите. О себе он не рассказывает.

Полковник, не поморщившись, влил в себя стакан холодной водки и неумело перекрестился.

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных! Антихрист он, точно тебе говорю, не зря он явился. Скоро настанет апокалипсис. Беги от него подальше.

Гелий зевнул и покосился на электронные часы над фонтаном.

– Если опасаетесь за жизнь близких, есть еще вариант с гарантированной эмиграцией. Приедете всей семьей в Братиславу, как туристы, вас перевезут по дипломатическим каналам в Вену, а оттуда в североамериканские штаты. Получите новые личности по программе защиты свидетелей... В общем, подумайте до завтра. А я пойду. Спешу, извините...

На последнюю маршрутку Гелий опоздал, хотя и яростно размахивал руками, чтобы водитель его подождал. Пришлось ловить такси по ночному тарифу. В салоне вазовской «классики» было холодно, печка дула слабо, и всю дорогу Гелий мерз. К концу пути он скис окончательно, тело скрутила боль, действие жаропонижающего порошка как-то слишком быстро закончилось, и ему хотелось только одного – побыстрее добраться до своего временного жилища, где можно было просто упасть на диван и отключиться.

Но сразу отключиться ему не удалось. В квартире ждал участковый. Пришлось Гелию пить с ним чай, разговаривать на разные отвлеченные темы, улыбаться. Участковый что-то бубнил про бдительность, близость к пограничной зоне, необходимость проверки всех чужаков. И особо акцентировал внимание на непосильном труде сотрудников правоохранительных органов в условиях Крайнего Севера.

Гелий кивал, стараясь не уснуть прямо за кухонным столом. Он отлично понимал, что визит полицейского вызван никакой не близостью к пограничной зоне, а бдительностью полуслепой старухи-соседки. И он даже не был зол на Любовь Петровну. Она слишком давно живет в этой стране, и не Гелию учить ее основам выживания. А участковый, как только наговорится, получит за беспокойство новенькую хрустящую купюру в пять тысяч рублей, которая частично

сгладит тяжесть труда, и уйдет вполне довольный жизнью. Разве жаль Гелию денег на благие цели? Конечно, нет...

Остров Колгуев, Баренцево море, 23 октября

Плоская трава, отчаянно дрожащая на ветру, сырость, сильный запах болот, постоянный холодный ветер, серое небо, изрытое низкими облаками, тусклое солнце, которое редко показывается из-за туч, морской берег, скованный толстой коркой льда, – вот это все и есть Колгуев, кусочек суши, покрытый густой сетью ручьев, рек и озер. Самое крупное озеро – Песчаное, рядом с ним уже несколько десятилетий разрабатывается Песчаноозерское нефтяное месторождение. На месторождении задействованы двести работников компании «Арктикнефть», их привозят вахтами и меняют, как узнал Гелий, каждые пятьдесят два дня.

В шестидесяти километрах от месторождения – поселок Бугрино, сборище разномасштабных строений разной степени разрушенности, произвольно разбросанных по берегу Поморского пролива. Население поселка – четыре сотни человек. Русские, ненцы и коми. В нескольких десятках километров по берегу – Северный, который еще меньше похож на поселок. Там осталась только база метеорологов, да и она давно не используется. Недвижимость метеорологов выкупила лет пять назад рыболовная компания «Север-К», но рыболовы обанкротились, а у конкурсного управляющего в Нарьян-Маре руки не дотягиваются до колгуевской земли, и всем добром здесь единолично распоряжается сторож, Андрей Иванович Голушко, бывший кавторанг, списанный с подводной лодки за тягу к спиртному. Когда-то он командовал большим коллективом, а теперь в подчинении у Андрея Ивановича только восемь местных кобелей породы «колгуевская дурная».

Почему Аяксу нужен был именно Колгуев – Гелий так и не понял. С поставленной задачей найти сухой просторный склад в укромном месте он справился, сговорился с Андреем Ивановичем, а об остальном думать было некогда. Сторож уступил Гелию по сходной цене большой сарай, где метеорологи когда-то хранили лодки. Теперь там хранятся блоки-ретрансляторы, на вид почти неподъемные, и ажурные приемные фермы из легчайшего серого металла. Все это оборудование, необходимое для открытия основного и резервного Окон, Аякс забросил на Колгуев три недели назад, перед ледоставом, когда катера еще могли подходить к причалу.

– Ничего здесь не трогал? – строго спросил Гелий у сторожа, распахивая пошире двери сарая. Луч фонаря метнулся по знакомым плоским ящикам. – Смотри мне, Иваныч!

– Шутишь? – удивился сторож. – Да за всю жизнь ни одной копейки чужой!

Голушко был помят, хотя и не больше обычного, традиционно небрит и на удивление почти трезв, на нем были кепка-капитанка, неизменная растянутая тельняшка и распахнутый бушлат, он шмыгал простуженным носом и прихлебывал свое «лекарство» из плоской фляжки.

– Давно я твоего крокодила Гену не видел. Куда он запропал?

– Никуда не запропал, дел было много, – отмахнулся Гелий. – Сам-то не передумал еще?

– Сам-то? – Бывший кавторанг нахмурился. – Нет, не нужен мне этот ваш прекрасный новый мир. Ничего я там не позабыл. Хочу в нашей великой и удивительной России подышать с чистой совестью. Заслужил, колобок. Тебе, кстати, поздравление с наступающим днем рождения передали. Завтра?

– Завтра, – подтвердил удивленный Гелий. – Кто передал?

– Матушка твоя, Ада Александровна. Дозвонилась на наш радиотелефон. Не волнуйся, я все ей сказал, как нужно. Про полный порядок на шхуне и проблемы с сотовой связью.

– Как она местный номер узнала?

– Не могу знать. Может, в сельсовете дали... Останешься на обед? У нас на сегодня вчерашний борщ, макароны с тушенкой и компот.

– Нет, я иду спать. Моего водителя накорми.

– Какие разговоры, накормим... Только вот это... – Голушко откопал в просторном кармане бушлата пачку папирос и спичечный коробок. – Никак не могу в толк взять. Вроде на человека ты похож, и мама у тебя есть. Почему на этого инопланетного работаешь? А если эти нелюди обманут нас хотят? Неужели мы добровольно станем у них рабами?

– На колу мочало – начинай сначала... С чего ты решил, Иваныч, что он инопланетный? Такой же человек, как мы с тобой. У меня волосы рыжие, а у него кожа такая. Бывает. Генетическое заболевание. Вообще-то он талантливый ученый, изобретатель, прогрессор.

Сторож крикнул, присел на деревянный ящик, тщательно измял гильзу папиросы, прикурил и несколько раз задумчиво затянулся.

– Ученый – это который, фигурально выражаясь, нагибает все, до чего может дотянуться, ради светлого будущего человечества? Чтобы космические корабли бороздили... В общем, что тут непонятного?

Заходящее солнце на минуту показалось из-за низких туч и попыталось согреть остатки деревянного причала, черный песок, покосившиеся столбы без проводов, смерзшиеся кучки угля, оленьи кости, гору пустых ржавых бочек, почти уже истлевших, и наполовину вросший в землю остов прицепа. Ветер загромыхал наполовину оторванным от крыши сарая листом гофрированного железа. Гелий непроизвольно поежился.

– Ладно, Иваныч, закрывай ворота...

В комнате типового барака было сыро. Угол промерз. Через все щели дул ветер. И матрас оказался влажным. Гелий присел на металлическую койку и понял, что снимать с себя утепленные флисом штаны он, пожалуй, не будет. А парку снимет, но попозже, когда раскошегарится масляный обогреватель. В прошлый приезд он с ним в обнимку так и заснул. А потом долго не мог повернуть шею.

Последние две недели были просто сумасшедшими. На Гелия свалились заботы по подготовке людей к Переходу. В этот раз Аякс решил осчастливить поселок Искателей, где больше семи тысяч жителей. Времени на подготовку минимум, всего две недели, это практически ничего, если подробно разъяснять всем и каждому, что такое Переход и почему никто не станет никого обманывать.

Люди редко с первого раза понимают, какая им выпала уникальная возможность изменить свою жизнь, поэтому первая реакция – недоверие. Почему мы? А кто вы вообще такие? Да, нам здесь плохо, но такая жизнь нам понятна. А что случится с нами там, на другой стороне? Это вы говорите, что нам будет лучше, а мы этого не знаем. А вдруг этот самый Переход окажется болезненным? А вдруг что-то пойдет не так? А кто нам даст гарантию?

Такие же точно вопросы, как в Искателях, люди задавали в Нягани, Артеме, Асбесте, Искитиме, Копейске. Тогда отвечать на них приходилось Аяксу, он делал это как мог, в итоге за те пять раз, когда Окна открывались, Переход совершили девятьсот пятьдесят девять человек. Из них почти половина – жители Асбеста. Так себе результат, если честно. Гелий был уверен, что его стратегия окажется более эффективной, и в Искателях новую жизнь выберет как минимум тысяча жителей. Не зря же он две недели бегал с высунутым языком, встречаясь с общественниками и местными лидерами мнений.

К тому же Аякс был слишком беспечен, за это, собственно, и поплатился: оказался под арестом «за организацию террористического подполья, направленную на подрыв основ безопасности и свержение существующего конституционного строя». Причем в Копейске его сдали доверенные лица, ближний круг. Ну а дальше все понятно: ФСБ, СК, КПЗ, суд за закрытыми дверями, приговор, тюрьма особого режима. Осчастливливать своих граждан имеет право только государство, у него на это монополия. Посягательство на государственную монополию всегда пресекается жестко, на корню...

Пока Гелий ждал глубокого сна, несколько раз проваливался в дремоту. Открывал глаза, смотрел на часы, прислушивался к далекому лаю собак, монотонному тархтению дизельного

генератора и с облегчением закрывал глаза опять. В одно из пробуждений он даже снял куртку. В комнате наконец-то потеплело. В другой раз ему показалось, что рядом кто-то есть...

– Кто здесь? – Гелий сел, ногами попытался нащупать ботинки, но только загнал их еще дальше под кровать. – Черт!

– Это я, – отозвалась темнота голосом Аякса. – Не пугайся, я не один.

В дальнем углу мигнули оранжевые огоньки. Все понятно, Аякс прихватил с собой транс-портных киботов. Вообще-то они выглядели мило и обаятельно, как игрушки из «Лего», но при желании их можно перевести в боевой режим, и тогда грузовые клешни в один миг станут летальным оружием.

– Тебя кто-нибудь видел? – забеспокоился Гелий.

– Я был осторожен. Значит, завтра?

– У меня завтра день рождения, – сказал в темноту Гелий.

– Я знаю. Вот и будет тебе подарок...

Поселок Искателей, 24 октября

Монтировать сцену на центральной площади начали с раннего утра. Гелий настоял. Он тоже встал пораньше, чтобы лично все проконтролировать. Аякс забросил оборудование для Окон глубокой ночью. Пока поселок крепко спал, киботы сделали основное, собрали приемные фермы, уложили блоки-ретрансляторы, а потом втянули грузовые клешни, сложились и перешли в режим ожидания. Если не знать, со стороны «спящих» киботов можно было легко принять за нестандартные рекламные конструкции.

В поселке Искателей впервые за всю его истории должен был состояться рок-фестиваль. С участием настоящих лидеров заполярного рока. Обещали приехать и мурманская инди-группа «Треска», и архангельские рок-панки «ПиТриЧетырнадцать», и альтернативная «Ягодаморошка» из Карелии. Поначалу на приглашение ответил даже интернет-знаменитость Грошик, родившийся в Апатитах, но накануне позвонил его импресарио и вежливо разъяснил, что Грошик выступить в Искателях не сможет, у него корпоратив в Монако. Гелий тоже был вежлив и ответил, что организаторы не в претензии.

Самый северный в мире рок-фестиваль – почти идеальное прикрытие для массового Перехода. Муниципальные власти не только радостно одобрили мероприятие, но даже пообещали помочь. Главное, во время подготовки площадки к концерту можно заниматься всем, чем угодно. Никому и в голову не придет, что вокруг сцены будет смонтировано не только звуковое и световое оборудование, но и приемные фермы для открытия Окон. В общем, Гелий гордился собой. И легендой, которую придумал для Перехода.

Утром по дороге на работу у сцены притормозил глава поселковой администрации Ильясов. Гелий, искренне улыбаясь, от помощи отказался, и Ильясов отбыл в мэрию в приподнятом настроении. Следом за поселковым главой будущую концертную площадку посетил глава всего Заполярного района Виктор Викторович Бездумов. Вышел из машины, поправил собою ушанку, походил кругами, помахал руками, демократично поздоровался с рабочими, монтировавшими сцену. Спросил: как дела, орлы? И отметил удачную для рок-концерта погоду, синоптики по его личной просьбе обещали на вечер всего-то минус пять градусов, что для жителей Заполярья – сущий пустяк.

Потом приехал лидер местного отделения Общероссийской общественной организации «Союз борьбы за правое дело» Андрей Редькин. Сначала он долго стоял в сторонке, задумчиво наблюдая, потом заинтересованно обошел несколько раз вокруг площадки, позвонил кому-то, покачал головой и стал дергать Гелия за рукав.

– Вы и меня поймите, Гелий Артурович, на мне ответственность за судьбы. Как я потом буду в глаза смотреть людям? Я с коллегами из столицы вчера созванивался...

– Вы не забыли о секретности, Андрей Сергеевич? – раздраженно перебил общественника Гелий.

– Не волнуйтесь, никакой конкретики, дат, фамилий и тому подобного я не сообщал. Просто, понимаете, мы беспокоимся. Это же ответственное решение. И постоянно возникают новые вопросы. Кое-что хотелось бы знать поточнее. Вот вы говорили, например, что вещи с собой брать не нужно. А как же без вещей?

– Я вас понял, – кивнул Гелий. – Вы главный принцип коммунизма помните?

– От каждого по способностям, каждому по потребностям, – не задумываясь, отчеканил Редькин.

– Именно. Считайте, что из дикого капитализма вы попадете непосредственно в коммунизм. Больше, к сожалению, ничего сказать не могу. На той стороне вас встретят и все объяснят, не переживайте.

– Значит, там все дадут? – недоверчиво уточнил Редькин. – А зубную пасту?

– Берите только себя и свою супругу. И не опаздывайте...

К двум часам дня звук был готов. Для музыкантов на площади установили два вагончика. Краем глаза Гелий отметил, что кто-то из приглашенных рок-звезд уже приехал и выгружает из микроавтобуса свой инструмент. После короткого звонка Гелия в местный ДК появились два техника, привезли свет. Задумчивый звукоинженер стал настраиваться, воткнул в микшерский пульт свой «Айпад», и над центральной площадью Искателей поплыли медитативные переборы индийских ситар. На звук ситар стали подтягиваться первые зрители.

За час до начала концерта площадь уже заполнилась гудящей толпой. Люди общались, смеялись, ели сосиски в тесте, пили кофе из бумажных стаканчиков. Гелий не удержался, поднялся на пару ступенек и с края сцены стал вглядываться в лица первых зрителей. Он понимал, разумеется, что многие пришла на центральную площадь поселка ради концерта, поскольку жизнь в Искателях не балует разнообразием, а тут должно быть интересно, но Гелию все же хотелось надеяться, что подойдут и другие люди, нацеленные на Переход, а иначе все его усилия окажутся напрасными...

Мэр Ильясов попытался сказать приветственное слово, но его освистали, и чиновник быстро уступил сцену местной рок-иконе «SeanS», которая, к радости слушателей, открыла фестиваль своим нержавеющим хитом «В небе тают облака, по земле течет река». Ровно в семь, когда отыграли уже и «Ягодаморошка», и «ПиТриЧетырнадцать», а напряжение у сцены достигло апогея, внезапно выключился звук. Над площадью, освещенной мигающими цветными огнями, повисла звенящая тишина.

– Уважаемые жители Искателей, минуту внимания. – Гелий отрегулировал громкость мегафона. – Многие меня знают, поэтому представляться не буду. Коротко напомню, для чего я здесь. К сожалению, скоро в этой стране произойдет глобальная катастрофа. Но у вас есть возможность ее избежать и начать жизнь заново в лучшем мире. Через несколько секунд справа от сцены появится Окно, через которое вы сможете пройти в этот новый мир. Проход будет открыт примерно пятнадцать минут. Я призываю вас не торопиться, но и не тормозить, чтобы Переход успели совершить все желающие...

Софиты на сцене мигнули и потухли. Толпа отшатнулась. Гелий тоже непроизвольно сделал шаг назад. Он никогда не видел открытого Окна и не ожидал, что зрелище может оказаться пугающим. Вдоль вертикальных контуров приемных ферм с громким хлопком вспыхнули яркие широкие полосы, очень похожие на холодную плазму. Воздух между фермами сгустился, закрутился воронкой и стал отливать металлом. Гелий медленно досчитал до десяти и опять взялся за мегафон.

– Все видят, куда нужно идти? У нас пятнадцать минут, так что поторопимся!

Но секунды бежали, а люди стояли неподвижно, словно примерзли к тротуарной плитке. Самое время спросить совета у Аякса, но он слишком далеко...

– И чего стоим? – громко поинтересовался кто-то с дальнего края. Гелий не смог его разглядеть из-за темноты. – Эй, передние, двигаем булками!

Передние ряды, казавшиеся монолитными, дрогнули под напором задних, поток решительных людей хлынул в открытое Окно, где они сразу исчезали во вращающейся воздушной воронке. Гелий облегченно выдохнул. В запасе еще оставалось десять минут...

Окно закрылось с таким же громким хлопком, как при открытии, и на площади опять стало тихо. Гелий дал отмашку электрику, тот включил рубильник, сразу вспыхнули софиты, осветив оставшихся на площади людей. Они растерянно молчали. Гелий поднялся на сцену и подошел к микрофонной стойке.

– Раз, раз, раз... Меня слышно?

– Эй, рыжий, концерт давай! – крикнул тощий парень, по-хозяйски обнимавший подружку в шоколадном пуховичке. – Мы веселиться хотим!

– Веселье продолжается, – заверил Гелий. – Фестивалю «СевеРок» – ура! От имени организаторов приношу извинения за временные неудобства. Всем – мир!

Пока ошарашенные музыканты решали, кто из них будет играть дальше, Гелий спустился со сцены и смешался с толпой. Стараясь не привлекать к себе внимание, покинул площадь и нашел такси. По плану у него было полчаса, чтобы добраться в аэропорт Нарьян-Мара. Аякс ждал его там.

– Сегодня совсем нет выручки, – поделился заботами таксист. – Вы же на концерте были? Говорят, муть там какая-то произошла...

– Да нет, все как обычно. Электричество вырубилось. Автомат не выдержал, – равнодушно ответил Гелий, разглядывая в замороженное окно ночной поселок.

– А, тогда понятно, – сказал таксист и больше с вопросами не приставал.

Гелий вышел у шлагбаума, отсекавшего летное поле от обычных людей, показал охранникам разовый пропуск и пешком дошел до площадки, где отсиживались синие вертолеты «Газ-промавиа» с Приразломного месторождения. Один из них уже запускал двигатель...

– С днем рождения! – Аякс улыбнулся и дал знак пилотам, чтобы они взлетали. – Я знал, что у тебя получится.

– Сколько?

– Две тысячи триста двадцать один человек. Почти треть поселка. Это абсолютная победа. Ты спас огромное количество людей. Поздравляю.

– Что с оборудованием? Столько пропавших без вести – такое не скроешь, завтра туда сгонят всю полицию округа.

– Сейчас-то все спокойно. – Аякс поерзал по отполированной тысячами пассажиров деревянной лавке, прикрученной вдоль борта, хотел достать из-под нее сумку, но, к своему удивлению, достал противогаз. – Перекусить не хочешь? Не переживай, ночью киботы демонтируют Окно и спрячут оборудование. Сцену со звуком рабочие разберут завтра. Они вообще ничего не знают. Им просто заплатили деньги... Готов к дальнейшим свершениям? Нас уже заждались город Апатиты.

Гелий хмыкнул. После всего он временно был не способен думать.

– Что-то не так? – поинтересовался Аякс.

– Могу я своими глазами увидеть тот мир, куда мы переправляем людей? Понимаешь, если бы я узнал его поближе, то организационная работа была бы еще эффективнее. И людей мы смогли бы спасти больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.